

В.И.ЛЕНИН

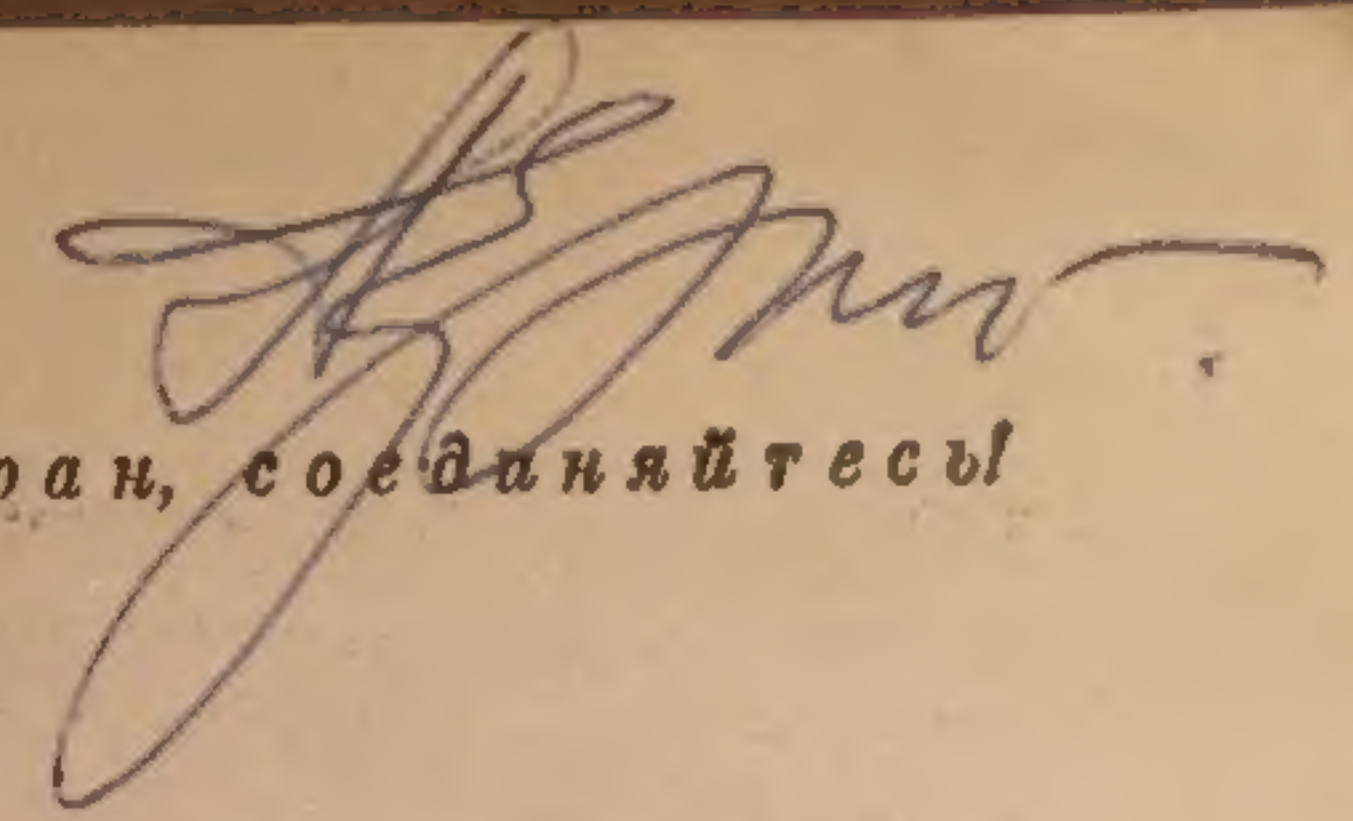
ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИЯ

Прол

В. И

П
И
у
и

МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Л Е Н И Н

**ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИЯ**

**УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ
И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ**

МОСКВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ЗК23
Г72

Ленин Владимир Ильич.
Г 72 Государство и революция. Учение марксизма о
государстве и задачи пролетариата в революции.
М., Политиздат, 1972.
160 с.

В книге «Государство и революция», написанной летом 1917 г., Ленин развил марксистское учение о государстве, защитил его от ревизионистов и оппортунистов. Книга явилась практической программой революционного движения пролетариата. Она имеет огромное теоретическое и политическое значение.

1—1—2

7—72

ЗК23 + 1МИ + 34

Ответственная за выпуск В. В. Мозговая

Технический редактор Ц. Л. Бейлина

Корректоры Н. В. Егорова, Н. А. Жигальцова

Подписано к печати с матриц 25 ноября 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,38. Тираж 400 тыс. (1—200 000) экз. Заказ № 980. Цена 18 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о государстве особенно остро встал в наше время. Практически-политическая война превращается в войну превращения монополии в государственную монополию. Угнетение трудящихся становится все более тесным и теснее сближается с капиталистами, становясь страной превращающейся в военно-каторжную.

Неслыханные войны делают полосу возмущения их. Являясь тарской революцией, она приобретает политический характер.

Накопленные элементы развития элементарные в официальном мире течение социализма, Потресов, Брусилов, Шейдеман, Ренодель, Гед, Вайндман и фабианизм на словах, приспосабливаясь к интересам не только, но именно «своему».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	4
Глава I. Классовое общество и государство	5
1. Государство — продукт непримиримости классовых противоречий	5
2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.	9
3. Государство — орудие эксплуатации угнетенного класса	12
4. «Отмирание» государства и насильственная революция	16
Глава II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 годов	23
1. Канун революции	23
2. Итоги революции	27
3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году	33
Глава III. Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса	36
1. В чем героизм попытки коммунаров?	36
2. Чем заменить разбитую государственную машину?	40
3. Уничтожение парламентаризма	45
4. Организация единства нации	51
5. Уничтожение паразита — государства	54
Глава IV. Продолжение. Дополнительные пояснения Энгельса	57
1. «Жилищный вопрос»	57
2. Poleмика с анархистами	60
3. Письмо к Бебелю	64
4. Критика проекта Эрфуртской программы	67
5. Предисловие 1891 года к «Гражданской войне» Маркса	75
6. Энгельс о преодолении демократии	81
Глава V. Экономические основы отмирания государства	84
1. Постановка вопроса Марксом	84
2. Переход от капитализма к коммунизму	87
3. Первая фаза коммунистического общества	92
4. Высшая фаза коммунистического общества	96
Глава VI. Опошление марксизма оппортунистами	104
1. Poleмика Плеханова с анархистами	104
2. Poleмика Каутского с оппортунистами	105
3. Poleмика Каутского с Паннекуком	112
Послесловие к первому изданию	122
Примечания	123
Указатель имен	145

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович, затем в чуточку прикрытой форме гг. Церетели, Чернов и К^о в России; Шейдеман, Легин, Давид и пр. в Германии; Ренодель, Гед, Вандервельд во Франции и Бельгии; Гайндман и фабианцы² в Англии и т. д. и т. д.), социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так

называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз войной за раздел и передел этого рода добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими пред-
рассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя второго Интернационала (1889—1914 гг.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917 года. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает, таким образом, не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

Август 1917 г.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее, второе, издание печатается почти без перемен. Добавлен только параграф 3-й к главе II-й.

Москва.

17 декабря 1918 г.

Автор

КЛАС

1. ГОСУ

С учением

бывало в исто

лей и вождей

бождение. У

революционер

ваниями, встр

мой бешеной

дом лжи и кл

превратить их

зировать их,

для «утешени

их, выходящи

притупляя е

На такой «об

жуазия и оп

Забывают, от

ну учения, е

первый план,

что кажется п

шовинисты ны

немецкие бурж

по истреблению

мецком» Маркс

коленно органи

войны союзы ра

рует и
ностей.
ной за
высво-
куазии
нности,
пред-

и Эн-
о под-
истиче-
азберем
иска-
вождя
рый по-
стоящей
опыта
Эта по-
емя (на-
азвития,
та лишь
их про-
листской
ой рево-
ет, таким
е значе-
вопрос о
будут де-
а, в бли-

Автор

О
почти без
главе II-й.

Автор

ГЛАВА I

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. ГОСУДАРСТВО — ПРОДУКТ НЕПРИМИРИМОСТИ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о «национально-немецком» Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих!

При таком положении дела, при неслыханной распространённости искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжёловесным и несколько не поспособствуют его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также чтобы искажение их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано наглядно.

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штутгарте уже 6-ым изданием³. Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно.

«Государство,— говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу,— никоим образом не представляет из себя силы, извне связанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель⁴. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого

стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177—178 шестого немецкого издания) ⁵.

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия *непримиримы*.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи,—вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба,—«подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит,—сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! — что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган *классового господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «*порядка*», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Например, все эсеры (социалисты-революционеры) ⁶ и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе, — все скатились сразу и целиком к мелкобуржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти социалистической фразеологией.

С другой стороны, «каутскианское» извращение марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть орган классового господства, ни то, что классовые противоречия непримиримы. Но упускается из виду или затушевывается следующее: если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая *над* обществом и «все более и более отчуждающая себя от общества», то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено. Этот вывод, теоретически ясный сам собою, Маркс сделал, как мы увидим ниже, с полнейшей определенностью на основании конкретно-исторического анализа задач революции. И именно этот вывод Каутский — мы покажем это подробно в дальнейшем изложении — ...«забыл» и извратил.

2. ОСОБЫЕ ОТРЯДЫ ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ, ТЮРЬМЫ И ПР.

«...По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией⁷, — продолжает Энгельс, — государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...»

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

«...Вторая отличительная черта — учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества...»⁸

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине

представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но — разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения». На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затмевая главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам обнаженную классовую борьбу, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие ему особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится соз-

дать новую организацию этого рода, способную справиться не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически возникнет перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» органов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». Мы увидим, как этот вопрос конкретно иллюстрируется опытом европейских и русских революций.

Но вернемся к изложению Энгельса.

Он указывает, что иногда, например, в Северной Америке, эта общественная власть идет о редком исключении для капиталистического общества и о тех частях Северной Америки в ее империалистическом периоде, где преобладает свободный колониист), но, вообще говоря, она усиливается:

«...Общественная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство...»⁹.

Это писано не позже начала 90-х годов прошлого века. Последнее предисловие Энгельса помечено 16 июня 1891 года¹⁰. Тогда поворот к империализму — и в смысле полного господства трестов, и в смысле всевластия крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики и прочее — только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Северной Америке и в Германии. С тех пор «конкуренция завоеваний» сделала гигантский шаг вперед, тем более, что земной шар оказался в начале второго десятилетия XX века окончательно поделенным между этими «конкурирующими завоевателями», т. е. великими граби-

тельскими держагами. Военные и морские вооружения выросли с тех пор неизмеримо, и грабительская война 1914—1917 годов из-за господства над миром Англии или Германии, из-за дележа добычи, приоткрыла «поглощение» всех сил общества хищнической государственной властью к полной катастрофе.

Энгельс умел еще в 1891 году указывать на «конкуренцию завоеваний», как на одну из важнейших отличительных черт внешней политики великих держав, а пегодяи социал-шовинизма в 1914—1917 годах, когда именно эта конкуренция, обострившись во много раз, породила империалистскую войну, прикрывают защиту грабительских интересов «своей» буржуазии фразами о «защите отечества», об «обороне республики и революции» и т. под.!

3. ГОСУДАРСТВО — ОРУДИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ УГНЕТЕННОГО КЛАССА

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«...Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники, — пишет Энгельс, — становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно — даже если бы они могли завоевать его...» Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества¹¹.

Вопрос о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти, здесь поставлен. Намечено как основное: что ставит их *над* общест-

вом? Мы увидим, как этот теоретический вопрос практически решался Парижской Коммуной в 1871 году и реакционно затушевывался Каутским в 1912 году.

«...Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом. Он приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса...» Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними...»¹² Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

Таково — добавим от себя — правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов *уже* бессильны, а буржуазия *еще* недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

В демократической республике — продолжает Энгельс — «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка)¹³.

В настоящее время империализм и господство банков «развивают» жизнь общества до предела, и провозить в жизнь всевластие богатства в рамках умеренно демократических республиках до необыкновенного искусства. Если, например, в первые же месяцы демократической республики в России, в течение первого же месяца бракосочетания «социал-демократический» министр буржуазней в коалиции Пальчинский саботировал все поставки и их мародерства, то в последующих поставках, если затем г. Пальчинский (замененный именно таким же Пальчинским) «отправлен» капиталистами местечком с жалованьем в 120 000 рублей в год, — то что это такое? прямой подкуп или не прямой? союз правительства с синдикатами или «только» дружественные отношения? Какую роль играют Черновы и Церетели, Авксентьевы и Скобелевы? — «Прямые» ли они союзники миллионеров-казнокрадов или только косвенные?

Всевластие «богатства» и потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит от отдельных недостатков политического механизма, от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев (через Пальчинских, Черновых, Церетели и К^о) этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет и всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии. Всеобщее избирательное право, говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии, есть

«показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве» ¹⁴.

Мелкобуржуазные демократы, враги и меньшевиков, а также их родные буржуазные шовинисты и оппортунисты Западной Европы, именно «бóльшего» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу эту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право в нашем государстве» способно действительно изменить большинство трудящихся и закрепить его в жизни.

Мы можем здесь только отметить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявление Энгельса искажаясь, превращается в шаг в пропаганде и агитации «официальных» (оппортунистических) социалистических партий. Подробное выяснение всей лживости той мысли, которую отмечает здесь прочь Энгельс, дается нашим дальнейшим изложением взглядов Маркса и Энгельса на «теперешнее» государство.

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наиболее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»¹⁵.

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее приводят большей частью, как будто бы совершали поклон перед иконой, т. е. для официального выражения почтения к Энгельсу, без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называет Энгельс государственной машиной.

4. «ОТМИРАНИЕ» ГОСУДАРСТВА И НАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Слова Энгельса об «отмирании» государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. Приведем все рассуждение, из которого они взяты:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку

оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой тенеранней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра («Анти-Дюринг». «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом», стр. 301—303 по 3-му нем. изд.) ¹⁶.

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями, рассуждения

Энгельса действительным достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство «отмирает», по Марксу, в отличие от анархического учения об «отмене» государства. Так обкорнать марксизм значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмирание» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затухание, если не отрицание, революции.

А между тем подобное «толкование» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии, искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью, «итоговом» рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». Что это значит, об этом думать «не принято». Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде «гегельянской слабости» Энгельса. На деле в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 года, о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а *уничтожается* пролетариатом в революции. Отмирает *после* этой революции пролетарское государство или полугосударство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила

для подавления» пролетариата буржуазной, мелкобуржуазной и крестьянской оппозицией, и «особой силой для подавления» буржуазной оппозиции пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит «уничтожение государства как государства». В этом и состоит «акт» взятия во владение государственной власти от имени общества. И само это взятие во владение — смена одной (буржуазной) «особой силы» другой (пролетарскою) «особою силой» — должна произойти в виде «отмирания».

В-третьих. Об «отмирании» и даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т. е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть тоже государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов.

Можно биться о заклад, что из 10 000 человек, которые читали или слыхали об «отмирании» государства, 9990 совсем не знают или не помнят, что Энгельс направляет свои выводы из этого положения не только против анархистов. А из остальных десяти человек, наверное, девять не знают, что такое «свободное народное

государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мелкобуржуазного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *несвободно* и *непародно*. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах ¹⁷.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с «отмиранием» государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

«...Что насилие играет также в истории другую роль» (кроме свершителя зла), «именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым¹⁸, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы,— обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стопами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие — к сожалению, позвольте видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны¹⁹. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?» (стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-ой главы II отдела)²⁰.

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 год, т. е. до самой его смерти, с теорией «отмирания» государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власти имущим) то одного, то другого рассуждения, причем в девяносто девяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на

первый план именно «отмирание». Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно, не новость, она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно сменится государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса — (вспомним конец «Нищеты философии»²¹ и «Коммунистического Манифеста»²² с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы²³) — этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в *таком* и именно *таком* взгляде на насильственную революцию лежит в основе *всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. И этой, безусловно самой важной, части их учения мы и переходим.

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ПЕРВЫЕ ПЕРИОДЫ 1848—1851 ГОДОВ

1. КАМУН РЕВОЛЮЦИИ

Первые произведения зрелого марксизма, «Ницета философии» и «Коммунистический Манифест», относятся как раз к кануну революции 1848 года. В силу этого обстоятельства, наряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848—1851 годов.

«...Рабочий класс,— пишет Маркс в «Ницете философии»,— поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества» (стр. 182 нем. изд. 1885 г.)²⁴.

Поучительно сопоставить с этим общим изложением мысли об исчезновении государства после уничтожения классов то изложение, которое дано в написанном Марксом и Энгельсом несколько месяцев спустя,— именно, в ноябре 1847 года,— «Коммунистическом Манифесте»:

«...Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она

превращается в откровенную революцию. и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии...

...Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является *протекание* (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд. 1906 года) ²⁵.

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны) ²⁶, а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма. *«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат».*

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий. Мало того. Оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям насчет «мирного развития демократии».

Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. помещиков и капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, например, история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века ²⁷.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эсеров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учению о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет necessarily к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устранившихся» сносно при капитализме,

продающих за чечевичные бобы свое право первородства, т. е. отказавшись от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат, теория Маркса неразрывно связана с революционной ролью пролетариата. Сущность этой роли есть пролетарская революция и пролетарское господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как особая организация против буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вопрос: возможно ли создание такой организации без разрушения существующего, без разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия? К этому выводу вынужденно приводит «Коммунистический Манифест», и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 годов.

2. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848—1851 годов в следующем рассуждении из сочинения «18-ое брюмера Луи Бонапарта»:

«...Но революция осповательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851-го года» (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) «она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность испровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения» (курсив наш). «И когда революция

закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сестью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину». Легитимная монархия и Июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда...

...Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее* (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» («18-ое брюмера Луи Бонапарт», стр. 98—99, изд. 4-е, Гамбург, 1907 г.)²⁸.

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовер-

использовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве. И именно это основное не только совершенно забыто господствующими официальными социал-демократическими партиями, но и прямо извращено (как увидим ниже) виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским.

В «Коммунистическом Манифесте» изложены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазию, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна — с точки зрения исторического развития — быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852 году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции — 1848—1851. Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество

и постоянная армия. О том, как эти связи
вают эти учреждения и их роль, мы знаем
неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт
каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной
наглядностью и внушительностью. Рабочий, с
своей шкуре учится познавать эту связь — поэтому
он так легко схватывает и так твердо держит науку
о неизбежности этой связи, науку, которую бур-
жуазные демократы либо невежественно, либо на-
мерно отрицают, либо еще легкомысленно отрицают
«вообще», забывая делать соответствующие эмпириче-
ские выводы.

Чиновничество и постоянная армия — «паразит» на теле буржуазного общества, паразит, поро-
жденный внутренними противоречиями, которые это об-
щество раздирают, но именно паразит, «затыкающий»
жизненные поры. Господствующий ныне в официаль-
ной социал-демократии каутскианский оппортунизм
считает взгляд на государство, как на *паразитический*
организм, специальной и исключительной принадлеж-
ностью анархизма. Разумеется, это извращение марк-
сизма чрезвычайно выгодно тем мещанам, которые до-
вели социализм до неслыханного позора оправдания и
прикрашивания империалистской войны путем приме-
нения к ней понятия «защита отечества», но все же
это — безусловное извращение.

Через все буржуазные революции, которых видала
Европа многое множество со времени падения феода-
лизма, идет развитие, усовершенствование, укрепле-
ние этого чиновничьего и военного аппарата. В частно-
сти, именно мелкая буржуазия привлекается на сто-
рону крупной и подчиняется ей в значительной степени
посредством этого аппарата, дающего верхним слоям
крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч.
сравнительно удобные, спокойные и почетные местеч-
ки, ставящие обладателей их *над* народом. Возьмите
то, что произошло в России за полгода после 27 фев-
раля 1917 г.²⁹: чиновничьи места, которые раньше
давались предпочтительно черносотенцам, стали пред-
метом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о ка-
ких серьезных реформах, в сущности, не думали, ста-

раясь оттягивать их «до Учредительного собрания» — а Учредительное собрание откладывалось только до конца войны! С дележом министерств, с запятым местечек министров, товарищей министров, генерал-губернаторов и прочее и прочее до Учредительного собрания не шло. И в комбинации насчет состава правительства было только одно, лишь выражением этого раздела и было, идущего и вверху и внизу, во всем центре, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля — 27 августа 1917 г. несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» были сделаны несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями (между кадетами³⁰, эсерами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко всему буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т. е. ту же государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию *«концентрировать все силы разрушения»* против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественноисторического наблюдения можно было лишь констатировать,

что пролетарская революция *подошла* к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину.

Здесь может возникнуть вопрос, правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы? Для разбора этого вопроса напомним сначала одно замечание Энгельса, а затем перейдем к фактическим данным.

«...Франция,— писал Энгельс в предисловии к 3-му изданию «18-го брюмера»,— Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (стр. 4 в изд. 1907 г.)³¹.

Последнее замечание устарело, поскольку с 1871 года наступил перерыв в революционной борьбе французского пролетариата, хотя этот перерыв, каким бы продолжительным он ни был, не устраняет несколько возможности того, что в грядущей пролетарской революции Франция проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца.

Но бросим общий взгляд на историю передовых стран в конце XIX и начале XX века. Мы увидим, что медленнее, многообразнее, на гораздо более широкой

арение происходил тот самый процесс, с одной стороны, выработки «парламентарной власти» как в республиканских странах (Франция, Америка, Швейцария), так и в монархических (Англия, Германия до известной степени, Италия, скандинавские страны и т. д.), — с другой стороны, борьбы за власть различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, девиантных и контрдевиантных «добычу» чиновничьих местечек, при этом усиления основ буржуазного строя, — на первом плане — создания и укрепления «исполнительной власти», ее чиновничьего и военного аппарата.

Нет никакого сомнения, что это — одна из черт всей новейшей эволюции капиталистического государства вообще. За три года, 1848—1851, Франция пережила, в быстрой, резкой, концентрированной форме, почти все самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру.

В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат, об этом поучительнейший материал дала Парижская Коммуна.

3. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ В 1852 ГОДУ *

В 1907 году Мering опубликовал в журнале «Neue Zeit»³² (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме содер-

* Добавлено ко второму изданию.

жится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существует только одно общество лишь с определенными историческими фазами развития производства (*historische Entwicklungsphasen der Produktion*), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...»³³.

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и

крупного) буржуа. На этом сессии надо считать *действительное* понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались *идеологами* либерастами и мелкобуржуазными демократами. Они *приняли* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т. е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец *мещанского искажения* марксизма и *полного* отречения от него *на деле*, при лицемерном *признании* его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва, 1918 г. *).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, *подпадает* целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм *ограничивает* область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного *уничтожения* ее. В действительности этот период неминуемо является периодом *невиданно* ожесточенной классовой борьбы, *невиданно* острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариата и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве *уяснена* только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является *необходимой* не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*.

* См. Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 207—302. *Ред.*

риата, свергнувшего буржуазию. Но у нас целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательными элементами буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата³⁴.

ГЛАВА III ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

1. В ЧЕМ ГЕРОИЗМ ПОПЫТКИ КОММУНАРОВ?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния³⁵. Но когда в марте 1871 года рабочим навязали решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было братья за оружие»³⁶.

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров³⁷. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую считал необходимой Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому изданию «Коммунистического Манифеста», написанное обоими его авторами, помечено 24-м годом 1872 года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела».

«...В особенности,— продолжают они,— Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...»³⁸

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции»³⁹.

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десяткам, если не девяносто девяти сотым читателям «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12-го апреля 1871 года, т. е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

«...Если ты займешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее» (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «X-м» № 1, 1-й изд. 1901—1902) *.
(Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее как в двух изданиях: в 1901 г. под моей редакцией и с 1902 г. в «Круге».)

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» — выраженный, я думаю, урок марксизма по отношению к задачам пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 году, когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военизации и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной без предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «сво-

* См. Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 371—379. *Ред.*

боды» в смысле отсутствия сущности и бюрократизма, скатились вполне в общевропейское грязное, кровавое болото бюрократическо-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительной народной революции» является *ломка, разрушение «госмашины»* (изготовленной там в 1914—1917 годах для «белого», общеприемного, советского) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократическо-военной «государственной машины» является «предварительным условием всякой действительной народной революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противопоставления буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противопоставление понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковой, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократическо-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить эту машину, сломать ее* — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, несколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

На этот вопрос в 1847 году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического Манифеста»⁴¹.

Не вдаваясь в утопии, Маркс от опыта массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как

господствующего класса, стараясь реализовать, как ни
именно образом эта организация будет соизменена с
наиболее полным и последовательным «завоеванием де-
мократии».

Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс под-
вергает в «Гражданской войне во Франции» самому
внимательному анализу. Приведем некоторые места из
этого сочинения:

В XIX веке развилась происходящая от сред-
них веков «централизованная государственная
власть с ее вездесущими органами: постоянной
армией, полицией, бюрократией, духовенством,
судейским сословием». С развитием классового
антагонизма между капиталом и трудом «госу-
дарственная власть принимала все более и более
характер общественной власти для угнетения
труда, характер машины классового господства.
После каждой революции, означающей извест-
ный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнета-
тельный характер государственной власти вы-
ступает наружу все более и более открыто». Го-
сударственная власть после революции 1848—
1849 гг. становится «национальным орудием вой-
ны капитала против труда». Вторая империя за-
крепляет это.

«Прямой противоположностью империи была
Коммуна». «Она была определенной формой» «та-
кой республики, которая должна была устранить
не только монархическую форму классового гос-
подства, но и самое классовое господство...»

В чем именно состояла эта «определенная» форма
пролетарской, социалистической республики? Каково
было государство, которое она начала создавать?

«...Первым декретом Коммуны было уничтоже-
ние постоянного войска и замена его вооружен-
ным народом...»

Это требование стоит теперь в программах всех,
желающих называться социалистическими, партий. Но

чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков. На деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

«...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса...

...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху до низу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, сплу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми...» ⁴²

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и по-

следовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной диктатуры в пролетарскую, из государства (= особой силы для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «*заработной платы рабочего*». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «*особой силы*» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положительное государственное религии, «забыли» о «наивностях»

первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием примитивного демократизма. Одни из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Берштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным демократизмом». Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму не может идти без известного «возврата» к «примитивному демократизму» (ибо иначе как же перейти к осуществлению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталисти-

ческой частной собственности и ее превращении в общественную собственность.

«Коммуна, — писал Маркс, — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество»⁴³.

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может только пролетариат, и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

«Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...

...Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver-und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю»⁴⁴.

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу

«забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, имевшие парторганизацию и «делаческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело ~~анархистам~~ ~~и~~ ~~в~~ этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманн, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и K^0 , все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет никакой революционной ситуации,— но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте,— вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в этой области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а

в превращении представительных учреждений из пассивных в «работающие» учреждения. Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комитетам социал-демократии! Посмотрите на работу парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящие государственную работу делают за кулисами, в министерствах, департаментах, канцеляриях, штабах. В парламентах только болтают со специальной целью «показать народу». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого парламентаризма, как Белевы и Церетели, Черновы и Анисимовы, Советы и Советы испоганили по типу гнилого буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господствуют «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к широкому» доходных и почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» государственную работу!

«Дело Народа»⁴⁵, орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, — с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, — что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эсеров и мень-

ишевики в правительстве...? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, гостями... Зензиновы и прочие редакторы... настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Разумеется, демократическая фраза — для одурячения... Ивашек, а чиновничья канцелярская волокита для «улучшения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна замечает... в коих свобода суждения и обсуждения не выродится в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эсеров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях того типичности, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т. е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественнo-исторический процесс, *рождение* нового общества из старого, переходные

формы от второго к первому. Он берет факт — опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педагогическими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было братья за оружие» или черетелевского: «Комуна должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, раз и навсегда, не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же на ее развалинах построить новую, позволяющую постепенно сводить к нулю всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем... из того, что уже с... обочие, опираясь на с... ст... железную дисциплину... ответствен- ной властью в... государ- ственных чиновников и... наших поручений, ответствен- ных... огромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (ко- нечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот наша, пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Та- кое начало, на б... ведет к постепенному «ограничению»... ства, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, г... не похожего на наем- ное рабство, — такого порядка, когда все более упро- щающиеся функции надсмотрщика и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем стано- виться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал почти образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почти есть хозяйство, организованное по типу государ- ственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации по- добного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капитали- стов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрокра- тическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пу- стить в ход сами объединенные рабочие, нанимая тех- ников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и всех вообще «государственных» чинов- ников, заработной платой рабочего. Вот задача кон- кретная, практическая, осуществимая тотчас по отно- шению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от

эксплуатации, учитывающая опыт, приобретенный Коммуной (особенно в области государственного строительства).

Все народное хозяйство, организованное как тогда, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, буржуазные, как и все должностные лица, получали жалованье по величине «зарботной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот самая ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от prostitutions этих учреждений.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ

«...В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

«...Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам»...

«...Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации... Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной

власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества»⁴⁶.

До какой степени не поняли — может быть, вернее будет сказать: не захотели понять — оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом — Прудона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно». Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (*Auflösung* — буквально: распушение, растворение) современных государств и такое полное изменение (*Umwandlung* — переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон — образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун, — так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти — паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорит. Бернштейн и его оппоненты опровергали — особенно Плеханов — в литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об этом извращении Маркса Бернштейном не говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приспосабливает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А жеманство более ортодоксальными марксистами, отстаять упрямое революционное марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит одна из корней того крайнего опощления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной государственной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филлистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военной силой могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРАЗИТА — ГОСУДАРСТВА

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

«...Обычной судьбой нового исторического творчества, — писал Маркс, — является то, что его принимают за подобие старых и даже отжив-

ших форм общества... учреждения сколько-нибудь похожие на новую Коммуна... (как и раньше бывало) современная власть была рассматривалась как нечто среднеевековой коммуны... как нечто среднее (Монтескье, жирондисты⁴⁷)... так представляется форма старой борьбы против старой централизации...

...Коммунальное устройство вернуло бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции...

...Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней»⁴⁸.

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

«...Разнообразие толкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов,

нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда...

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом...» ⁴⁹

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии принимали буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не преjdeши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление сломать эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические формы этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к разрушению буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна — «открытая наконец» революционная форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, с помощью которой можно и должно заменить разбитую.

Мы увидим в дальнейшем, что русские революции 1905 и 1917 годов, в такой постановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

ГЛАВА II

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращается к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «Жилищный вопрос»

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.)⁵⁰ Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством, — черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, — а с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос

социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем ~~просто~~ делом оставаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года) ⁵¹.

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

«...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же со-

по
тру
эт
дет
но
без
ни
уни
хот
тиче
ронь
вате
сдач

Вопрос

об эконом
мы рассм
жаются к
государств
тиры, «по
квартир, п
семьям за
и известны
пределения
государства
и бюрократ
ным полож
кому полож
отдавать ква
дарства.

Говоря с
под влияни
марксизма,
зицию следу

«...Н
пролетар
мене кла
(стр. 55)

Какие-ниб
жуазные «истре

вокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никаким образом сохранения и сдачи в наем» (стр. 68) ⁵².

Вопрос, затронутый в этом месте, об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере, в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого волевого и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов ⁵³, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

«...Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства...» (стр. 55) ⁵⁴.

Какне-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй,

противоречие между этим признанием «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространение становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Ввиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

2. ПОЛЕМИКА С АНАРХИСТАМИ

Эта полемика относится к 1873 году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов⁵⁵, «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit»⁵⁶.

«...Если политическая борьба рабочего класса, — писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики, — принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство...» («Neue Zeit», 1913—1914, год 32, т. 1, стр. 40)⁵⁷.

Вот против какой «отмены государства» выступает исключительно Маркс, опровергая анархистов. Социализм не против того, что государство истощит с истощением классов или будет отменено в результате революции, а против того, чтобы рабочие отказались от использования оружия, от организованного сопротивления *государства*, долженствующего сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает, что он понимает истинный смысл его борьбы с анархизмом — «срывание переходную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату *нужно* государство. Мы воюем с буржуазией с помощью государства по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выдвигает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархистов: свергая ли капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не «*преходящая форма*» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так* ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *так* ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антисауторитаристами», т. е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море — говорит Энгельс — разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на

применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

«...Если я выдвигаю эти тезисы, — пишет Энгельс, — против антиавторитаристов, то они могут дать следующий ответ: «Да! это правда, но дело здесь не об авторитете, которым мы надеемся пользоваться делегатов, а об известном поручении». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя...»

Показав таким образом, что авторитет и автономия — понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

«...Если бы автономисты, — пишет он, — хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены

те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, или господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или — или. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39) ⁵⁹.

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873 года против анархистов, но спорили именно не так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представ-

ление об отмене государства путано и *переволу-
ционно*, — вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты
именно революции-то в ее возникновении и развитии,
в ее специфических задачах и *осуществлении* и, конечно,
авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных со-
циал-демократов свелась к чистейшей меншвинской пош-
лости: «мы-де признаем государство, а анархисты
нет!». Разумеется, такая пошлость не может не оттал-
кивать сколько-нибудь мыслящих и революционных
рабочих. Энгельс говорит инос: он подмечает, что
все социалисты признают исчезновение государства,
как следствие социалистической революции. Он ставит
затем конкретно вопрос о революции, тот именно во-
прос, который обычно социал-демократы из оппорту-
низма обходят, оставляя его, так сказать, на исклю-
чительную «разработку» анархистам. И, ставя этот
вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли
Коммуне *больше* пользоваться революционной властью
государства, т. е. вооруженного, организованного в гос-
подствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия
от вопроса о конкретных задачах пролетариата в рево-
люции обыкновенно отделялась либо просто насме-
шкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво
софистическим: «там видно будет». И анархисты полу-
чали право говорить против такой социал-демократии,
что она изменяет своей задаче революционного воспи-
тания рабочих. Энгельс использует опыт последней
пролетарской революции именно для самого конкрет-
ного изучения, что и как следует делать пролетариату
и по отношению к банкам и по отношению к государ-
ству.

3. ПИСЬМО К БЕБЕЛЮ

Одним из самых замечательных, если не самым за-
мечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и
Энгельса по вопросу о государстве является следую-
щее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта
1875 года⁶⁰. Письмо это, заметим в скобках, было
напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во

втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т. е. 35 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, дополнив тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Брэнкелю, и писал специально вопроса о государстве, следующим:

«...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. В грамматическом смысле этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона⁶², а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна»» (стр. 321—322 немецкого оригинала)⁶³.

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал

в письме, помеченном 5 мая 1875 года), и что Маркс, в Лондоне. Поэтому, в фразе, Энгельс, несомненно, предлагает вождю немецкого из программы слово «государство» в слове «община».

Какой бы вой об «анархии», подделанного под удобство «марксизма», если бы им предложено изменение программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое не означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле» — вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна переставала быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колоссальным государством»; говоря про государство ввиду прежде всего Бакунина и его панархизма, а не ввиду прежде всего Энгельса и его социал-демократизма, поскольку государство — это такая же бессмыслица и абсурдизм, как и «свободное государство» от социализма, Энгельс старается поправить Бакунина. Энгельс ставит против анархистов социал-демократов, но правильной, он считает, а не анархистских пред-рассудков насчет государства. Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования Каутский упорно повторяет, в сущности, то, от которых предостерегал Энгельс.

Бebelь ответил Бакунину письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекает Либкнехта за уступчивость (стр. 334 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

«Государство должно быть превращено из основанного на классовом господстве государства в народное государство» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в 9-ом (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клалась под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. КРИТИКА ПРОЕКТА ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Критика проекта Эрфуртской программы⁶⁴, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена,

главным образом, именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устрой...

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следит он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (*Planlosigkeit*), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

«...Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («*Neue Zeit*», год 20, т. 1, 1901—1902, стр. 8) ⁶⁵.

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический капитализм. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при капитализме, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме. «Близость» такого капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социа-

листической революции. И это — довод за то, чтобы терпимо относиться к традиции этой революции и к подкрашиванию ее, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Тройкого рода особенно ценные указания дает Энгельс: во-первых, по вопросу о республике, о связи национального вопроса с вопросом о государстве; во-вторых, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа имела по всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего второго Интернационала.

«Политические требования проекта, — пишет Энгельс, — страдают большим недостатком. В нем нет того (курсив Энгельса), что собственно следовало сказать»⁶⁶.

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно», — добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто-напросто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распростра-

[Faint, illegible handwritten notes]

...это есть с
а чистини
других...

Если
так это то
гуд прийд
тужеской
нна. Эта
ской форм
казала
ция... то

части социализма. Из при госп... заявл... тепереш... точным... заний...» 6

закон, этот... план... объявля... боды в Гер... о «мирном»... не связать... республикой... себе предста... тие к социа-

почти все-... авительные... власти,—... бное, и при-... мать фиго-... становиться

льно и ока-... ные вожди... которая по-

ь, в конце... путь. На... ктные по-... м приккры-... , которые... при пер-... политиче-

ском кризисе... из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

Это... соображений из-за... для, эта погоня за мигновутными успехами и победами без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему — может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция...» 70

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, несколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, разворачиванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего второго Интернационала это — тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917 года.

По вопросу о федерации и национальным составом и

«Что должно в Германии?» (с ее республиканской конституцией и столькими на мелкие государства, с их особенностями «прусскими» и «баварскими» и ра- створить их в Германию как единое государство, пролетариат может иметь, но не может иметь еди- ной и неделимой Германией, а республика является еще и необходимостью на гигантской терри- тории Штатов, хотя на востоке их она у- становится помехой. Она была бы шагом вперед в Анг- лии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть фе- деративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассив- ного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное госу- дарство, входящее в союз, имеет свое особое граж- данское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от го- сударств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866 и 1870 годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу»⁷¹.

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрез-

вычайной тщательн...
но переходные формы, чтобы учесть в вариантах
от конкретных...
дельного случая...
переходная форма является.

Энгельс, как и...
пролетариата и...
ческий централизм...
лику. Федеративная...
как исключение и помеху развитию, либо как пере-
ход от монархии к централистической республике, как
«шаг вперед» при известных условиях. И среди
этих особых условий выдвигается...
прос.

У Энгельса, как и у Маркса, нет ни беспо-
щадную критику или реакционности мелких госу-
дарств и прикрытие этой реакционности националь-
ным вопросом в определенных конкретных случаях,
нигде нет и тени стремления отмахнуться от нацио-
нального вопроса, — стремления, которым часто гре-
шат голландские и польские марксисты, исходящие из
законнейшей борьбы против мелкобуржуазного нацио-
нализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и
общность языка, и история многих сотен лет, казалось
бы, «покончила» с национальным вопросом отдель-
ных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учи-
тывает ясный факт, что национальный вопрос еще
не изжит, и потому признает федеративную респуб-
лику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени
отказа от критики недостатков федеративной респуб-
лики и от самой решительной пропаганды и борьбы
за единую, централистически-демократическую рес-
публику.

Но централизм демократический Энгельс понимает
относительно не в том бюрократическом смысле, в котором
употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржу-
азные идеологи, анархисты в числе последних. Цент-
рализм для Энгельса несколько не исключает такого
широкого местного самоуправления, которое, при
добровольном отставании «коммунами» и областями

23 мая
в этом
наши
револю
отсутст
связани
этой, с

руках. И
чайные р
жуане. И
тивная Р
боды, че
приведим
ской ффа
ралистиче
больше да
листиче
иначе: на
вестная в
федератив
На эт
ративной
самоупра
агитации
мания.

В пре
ны во Фр
1891 года
«Xene Zeit
ными зам
нием к го
свооту уро
всем олит
ветств от Ко
тиз распр
См Солов

28 мая 1917 года) не звать, как в этом пункте — разумно. Однако не в нем одном — наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к правде.

Крайне важно отметить с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный — особенно среди мелкобуржуазной демократии — предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792—1798 гг. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы больше давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: наибольшая местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была централистической, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

5. ПРЕДИСЛОВИЕ 1891 ГОДА К «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ» МАРКСА

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» — это предисловие помечено 18 марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» — Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны⁷⁴. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры

* См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 218—221. *Ред.*

В государстве... ливости названа
последователь... матрируемому
вопросу.

В каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоеванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением буржуазии».

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим, и по вопросу о государстве (*есть ли оружие у угнетенного класса?*) — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917 года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 11-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще! ⁷⁶

Историческая речь Церетели от 11-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводимый господином Церетели блок эсеров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной

программа
в 1891 г.
оппорту
поэтому

дал
ны
от
Ин
реф
от
со
дея
в
рет
Ком
в
глу
ряд

Энгел
дарству»
в глаз
гню част
образом
летариат
мещанст
стояние,
бы проти
Буду
прослед
найдет
просу, н
дверь оп
для парти
«Los-von-
от церкв
Но пер
стя после
муся про

программе прол... который
в 1891 году... чатки
оппортунизма в... который
поэтому наиболее

«Соот... в Коммуне засе-
дали почти... рабочие или признан-
ные представители рабочих, и постановления ее
отличались... характером.
Либо эти постановления декретировали такие
реформы, от которых республиканская буржуазия
отказалась только из подлой трусости и которые
составляют необходимую основу для свободной
деятельности рабочего класса. Таково проведение
в жизнь принципа, что *по отношению к государству*
религия является просто частным делом. Либо
Коммуна издавала постановления, прямо лежащие
в интересах рабочего класса и которые отчасти
глубоко врезывались в старый общественный по-
рядок...»⁷⁷.

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к госу-
дарству» умышленно, направляя удар не в бровь, а
в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему рели-
гию частным делом *по отношению к партии* и таким
образом припихавшему партию революционного про-
летариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего»
мещанства, готового допустить невероисповедное со-
стояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борь-
бы против религиозного опнума, оглуляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии,
прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году,
найдет немало интересного материала по этому во-
просу, начиная от уклончивых, открывающих настежь
дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя
партии, Каутского, и кончая отношением партии к
«Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению
от церкви) в 1913 году⁷⁸.

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спу-
стя после Коммуны подытоживал ее уроки борюще-
муся пролетариату.

В т. 1, кн. 1, гл. 1, § 1, п. 1, стр. 1. 1-й план Энгельс:

...Итак, Коммуна — часть прежнего
К. — реорганизованного правительства, армия, поли-
тическая полиция, бюрократия, которую Напо-
леон создал в 1798 году и которую с тех пор каж-
дое новое правительство перенимало, как жела-
тельное орудие, и использовывало его против
своих противников, именно эта власть должна
была пасть всюду во Франции, как пала она в
Париже.

Коммуна должна была с самого начала при-
знать, что рабочий класс, придя к господству,
не может дальше хозяйничать со старой государ-
ственной машиной; что рабочий класс, дабы не
потерять снова своего только что завоеванного
господства, должен, с одной стороны, устранить
всю старую, доселе употреблявшуюся против
него, машину угнетения, а с другой стороны,
должен обеспечить себя против своих собствен-
ных депутатов и чиновников, объявляя их всех,
без всякого исключения, сменяемыми в любое
время...» ⁷⁹.

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только
в монархии, но и в демократической республике го-
сударство остается государством, т. е. сохраняет свою
основную отличительную черту: превращать долж-
ностных лиц, «слуг общества», органы его в господ
над ним.

«...Против этого, неизбежного во всех суще-
ствовавших до сих пор государствах, превраще-
ния государства и органов государства из слуг
общества в господ над обществом Коммуна при-
менила два безошибочных средства. Во-первых,
она назначала на все должности, по управлению,
по суду, по народному просвещению, лиц,
выбранных всеобщим избирательным правом, и
при том ввела право отзывать этих выборных в
любое время по решению их избирателей. А во-
вторых, она платила всем должностным лицам,

как высшим, так и низшим. Имъ такую плату, которую получали другие рабочие. Сам же имел жалованье, которое в общ. власти Коммуны, было 6000 франков *. Таким образом была создана надежная помеха не только карьеризму, но даже и независимости депутатов в представлении их интересов перед Коммуной сверх

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *возвращается* в социализм, а с другой стороны, *требует* социализма. Ибо для осуществления демократии необходимо превращение функции государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, поделены громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, например, иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это — софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

* Номинально это дает около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, например, в городских думах жалованье по 9000 руб., не предлагая ввести для *всего* государства максимум 6000 руб., — сумма достаточная⁸⁰.

Развитие демократии до крайних форм такого развития, испытание их и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельный взрыв, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономическое, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

«...Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демокра-

Эн
чаю
циали
стере
Цере
ной»
ное п
Ен
при д
чем п
угнет
чит, ч
разли
более
борьб
гайтс
вообщ
2)
дет со
ности,
демок
Энг
вопрос
демокра
В пр
на разн
ного» со
6
Госуд

тической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство: победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, немедленно отсечь худшие слои старого общества. И пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»⁸².

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания: 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машинной для угнетения одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» пные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма* классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности, — этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. ЭНГЕЛЬС О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus dem Volks-

staat...*), — предикат... 1834 го-
да, т. е. написанной... Энгельса, он писал, что... слово «коммунист», а... тогда
социал-демократами называли себя прудонисты во
Франции, лассальянцы в Германии⁸³.

«...Для Маркса и для меня, — продолжает
Энгельс, — было потому...
ностью употребить для...
нашей точки зрения...
мое. В настоящее время...
это слово («социал-демократ»)...
сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточ-
ным (unpassend, неподходящим) для такой пар-
тии, экономическая программа которой не яв-
ляется просто социалистической в общем, а прямо
коммунистической, — для партии, политическая
конечная цель которой есть преодоление всего
государства, а, следовательно, также и демокра-
тии. Названия *действительных* (курсив Энгельса)
политических партий, однако, никогда вполне не
соответствуют им; партия развивается, название
остается»⁸⁴.

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен
диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было пре-
красное, научно-точное, название партии, но не было
действительной; т. е. массовой пролетарской партии.
Теперь (конец XIX века) есть действительная партия,
но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь
бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность
ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей раз-
виваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал
бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действитель-
ная партия, она развивается отлично; «сойдет» и та-
кое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик»,
не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто

* — «На международные темы из «Народного Государ-
ства». Ред.

случай
донскою
Может
преслед
волюции
«больше
ознамен
ский ша
ствитель
в своем
нашей
товарищ
ской на
вики...

Но в
важен. ч
летариат

В об
делается
Энгельс
душем
уничтож
демократ
ние демо

На п
ляется к
возникне
пришест
будет со
большинс
ние таког

Нет. Д
меньшинс
щее подч
ство, т. е.
одного клас
другую.

Мы став
сударства, т

* См. Соти

случайного, обстоятельства, что на Бриггсско-Тондонском съезде 1903 года мы были большевиками... Может быть, теперь, когда репрессии и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким же популярным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный партией в ее действительном развитии, может быть, и я колебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии*. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство, т. е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и системати-

* См. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 100, 111, 116. *Ред.*

ческого насилия... Мы не ждем... порядка, когда бы... меньшинства больш... мы убеждены, что он... а в связи с этим... в насилие над людьми... человека другому, ибо люди при... условий об... .

Чтобы поддержать... и говорит о новых... свободных общественных условиях... в состоянии совершенно выкинуть и весь этот хлам государственности»⁸⁷. — всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Бракке от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1 и вышедшее по-русски-отдельным изданием)⁸⁷. Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года⁸⁸ может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между

взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, и тут же с совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле слова. Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий — такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет

ни тени попыток... гадать
на счет того, ...
коммунизме. ...
прос о развитии ...
видности, раз ...
таким-то определенным ...

Маркс против всего этого ...
которая Готский ...
отношения ...

...Современное государство — есть
капиталистическое ...
во всех цивилизованных странах. ...
свободное от примеси средневековья, более или
менее видоизмененное особенностями историче-
ского развития каждой страны, более или менее
развитое. Напротив того, «современное государ-
ство» меняется с каждой государственной грани-
цей. В прусско-германской империи оно совершен-
но иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно
иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное
государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их
форм, различные государства различных цивили-
зованных стран имеют между собой то общее, что
они стоят на почве современного буржуазного
общества, более или менее капиталистически раз-
витого. У них есть поэтому некоторые общие су-
щественные признаки. В этом смысле можно го-
ворить о «современной государственности» в про-
тивоположность тому будущему, когда отомрет
теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превраще-
нию подвергнется государственность в коммуни-
стическом обществе? Другими словами: какие
общественные функции останутся тогда, анало-
гичные теперешним государственным функциям?
На этот вопрос можно ответить только научно;
и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «на-
род» со словом «государство», это ни капельки
не подвинет его разрешения...»⁸⁹

Видно, что в этом вопросе все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Период, который мы сейчас рассматриваем, вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, — и что забывали утописты, что оппортунисты, боящиеся социальную революцию, — это то обстоятельство, что социальная революция, несомненно, должна быть особой стадией или особым этапом *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. ПЕРЕХОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

«...Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — продолжает Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*...»⁹⁰

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что... ставит просто ряд... летариата в госп... демократии»⁹¹. На ос... можно точнее определ... крания в переходе от капитализма...

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм находится в рамках капиталистического общества. Поэтому, в сущности, демократизм в капиталистическом обществе, только для имущих классов, тогда как для пролетариата свобода капиталистического общества не является приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько подавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15-ти миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы

увидим везд...
подробностях...
исключение женщины и т. п.), и в технике...
тельных уч...
собраний (об...
и в чисто ка...
прессы и так...
чения да ог...
изъятия. ...
мелкими, ...
нужды не видал и с угнетенными классами...
совой жизни близок не был (а таково девять...
если не девяносто девять сотых...
цистов и политик...
чения исключают. Выталкивают бедноту из политики,
из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту суть капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!⁹²

Но от этой капиталистической демократии,— неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой,— развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе с* громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы

должны под... гво от
наемного рабства, их сопротивление надо сломить си-
лой,— ясно, что там, где есть подавление, есть наси-
лие, нет с...

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе,— не будет государства»⁹³.

Демократия... и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа,— вот каково впоследствии демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства),— только тогда «исчезает государство и можно говорить о свободе». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без *особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет

... что коммунизм вызывает протест и вос-
стание... необходимость подавления.

Итак, в буржуазном обществе мы имеем де-
мократию, убогую, фальшивую, демократию
для большинства, для меньшинства. Диктатура
эксплуататоров, период перехода к коммунизму, впер-
вые даст демократию для народа, для большинства,
наряду с необходимым подавлением меньшинства, экс-
плуататоров. Только в состоянии дать
полную, и чем она полнее,
тем скорее ненужной, отомрет сама собою.

Далее, при капитализме мы имеем го-
сударство в собственном смысле слова, особую машину
для подавления одного класса другим и притом боль-
шинства меньшинством. Понятно, что для успеха та-
кого дела, как систематическое подавление меньшин-
ством эксплуататоров большинства эксплуатируемых,
нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нуж-
ны моря крови, через которые человечество и идет
свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наем-
ничества.

Далее, при переходе от капитализма к коммунизму
подавление еще необходимо, но уже подавление мень-
шинства эксплуататоров большинством эксплуатируе-
мых. Особый аппарат, особая машина для подавления,
«государство» еще необходимо, но это уже пере-
ходное государство, это уже не государство в собст-
венном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуа-
таторов большинством *вчерашних* наемных рабов дело
настолько, сравнительно, легкое, простое и естествен-
ное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем
подавление восстаний рабов, крепостных, наемных ра-
бочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле.
И оно совместимо с распространением демократии
на такое подавляющее большинство населения, что
надобность в *особой машине* для подавления начинает
исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в со-
стоянии подавить народа без сложнейшей машины для
выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуа-
таторов может и при очень простой «машине», почти
что без «машины», без особого аппарата, простой орга-

низацией вооруженных масс (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять, — «некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «снощенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассалья («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает

трезвый ум, который не может не видеть истинное общество. Маркс подходит к вопросу о том, что такое коммунистическое общество. Он говорит, что такое общество, и говорит при этом:

«Мы знаем, что такое общество (при разборе про-
шлого общества, которое с таким коммуни-
стическим обществом, которое *развилося* на своей
собственной основе, а с таким, которое только что
выходит как раз из капиталистического общест-
ва и которое поэтому во всех отношениях, в эконо-
мическом, нравственном и умственном, носит
еще отпечаток старого общества, из недр которого
оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, кото-
рое носит во всех отношениях отпечаток старого обще-
ства, Маркс и называет «первой» или низшей фазой
коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной соб-
ственности отдельных лиц. Средства производства при-
надлежат всему обществу. Каждый член общества,
выполняя известную долю общественно-необходимой
работы, получает удостоверение от общества, что он
такое-то количество работы отработал. По этому удо-
стоверению он получает из общественных складов
предметов потребления соответственное количество
продуктов. За вычетом того количества труда, которое
идет на общественный фонд, каждый рабочий, следо-
вательно, получает от общества столько же, сколько
он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие об-
щественные порядки (обычно называемые социализ-
мом, а у Маркса носящие название первой фазы комму-
низма), что это «справедливое распределение», что это
«равное право каждого на равный продукт труда», то
Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» — говорит Маркс — мы здесь дейст-
вительно имеем, но это *еще* «буржуазное право»,

кой упрек, как выт... только крайнее не-
вежество гг. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает
личное неравенство людей, он учитывает также то,
что одни еще порохов... общества в общ...
собственность всего общества («социализм» в обычном
словоупотреблении) не устраняет недостатков рас-
пределения и неравенства «буржуазного права», ко-
торое продолжает господствовать, поскольку продукты
делятся «по праву».

... — продолжает Маркс, —
неизбежны в первой фазе коммунистического об-
щества. ... выходит, после
дальнейшего развития коммунистического обще-
ства. ... может быть выше, чем
экономическая структура и обусловленное им куль-
турное развитие общества...»⁹⁶

Таким образом, в первой фазе коммунистического
общества (которую обычно зовут социализмом) «бур-
жуазное право» отменяется не вполне, а лишь отча-
сти, лишь в меру уже достигнутого экономического
переворота, т. е. лишь по отношению к средствам про-
изводства. «Буржуазное право» признает их частной
собственностью отдельных лиц. Социализм делает их
общей собственностью. Поэтому — и лишь постоль-
ку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части,
остается в качестве регулятора (определивателя) распре-
деления продуктов и распределения труда между чле-
нами общества. «Кто не работает, тот не должен
есть» — этот социалистический принцип уже осущест-
влен; «за равное количество труда равное количество
продукта» — и этот социалистический принцип уже
осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще
не устраняет «буржуазного права», которое неравным
людям за неравное (фактически неравное) количество
труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неиз-
бежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая

В утопизм. нельзя думать, что в капитализме, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономика не высылает такой перемены отмена капитализма не дается сразу.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», обеспечивающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Маркс продолжает:

«...На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»»⁹⁷.

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является более высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства — частный источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, экспроприацией капиталистов сразу устранить не

Эта экспроприация даст возможность гигантского развития производительных сил. II, видя, как теперь уже капитализм ускоряет это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать не можем.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока⁹⁸, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распреде-

ление продуктов не будет сформировано со стороны общества и каждого из нас каждым продуктом; каждый будет свободен лишь «по потребности».

С точки зрения буржуазии можно считать подобное общественное устройство «идеальным» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трофеев, автомобилей, виллинов и т. п. Таким зубоскальством отличаются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теperешнюю производительность труда и не теperешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К⁰) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безразсудных утопиях, о демагогических обещаниях социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «социальную» которой никто не только не обдумывал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы возвращаемся к вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в своем выше рассуждении его о непереходности фазы «социал-демократы». Политическая программа первой или низшей и высшей фазы коммунизма, конечно, различна, вероятно, громадно, но при капитализме, признавать его было бы слишком отодвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грива, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс называл «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне

зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени *буржуазное* право, но даже и *буржуазное* государство — без *буржуазии*!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от *формального* равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий

пойдет
и знати
бесконеч
будто
навестит
социали
тельно
а затем
вперед
жизни.
Демо
разновид
из себя.
системат
с одной
формальн
равного
дарства
связано
демократи
ный прот
ему возм
реть с ли
кански-бу
стоянную
более де
пой маши
переходя
лиции.
Здесь
степень
буржуазно
ского пере
ют в упра
не удержи
редь, созда
тельно «вс
дарством. К
ловная гра
наиболее пер
«обучение и

пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно далеко от обычного буржуазного представления, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начинается быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всеобщее, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплывает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает предпосылки для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих

крупным, сложным, общественным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок*.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеоб-

* Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами)⁹⁹.

щим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться. «Всему будет даться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равным трудом и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капитал навязывает эксплуаторам пролетариата распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной ломки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладив» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать всякое государство.

Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

ГЛАВА V.

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОПОРТУНИСТАМИ

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II Интернационала в 1914 году, — это то, что даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его старались обойти или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, пропстекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. ПОЛЕМИКА ПЛЕХАНОВА С АНАРХИСТАМИ

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в революционный период в России: Плеханов так вел себя в 1905—1917 годах по лудоктринерскому министером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выдвигали более тщательные свои взгляды на отношение к государству. Энгельс, издавая в 1894 году «Критику Готской программы» Маркса, писал: «(т. е. Энгельс и Маркс) находились тогда в разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами» (Готского конгресса (первого) Интернационала, который длился два года»¹⁰¹).

Анархисты, а именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и чем заменить ее? анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не ставились* вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ОПОРТУНИСТАМИ

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Недаром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демо-

кратической литературы.ное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря»¹⁰², выходившая в 1901—1902 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года¹⁰³. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способе трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в

«обвиняет»
реинное ой
России по
кеизма, бо
ливается
войне во
весьма неу
на уроки
беинное ви
ние Маркс
предислови
фесту» и к
просто взя
шины и пу
целей»¹⁰⁴.
Бернштейн
он не менее
толкую его
смысле.
Маркс, ка
класс должен
взрыв,— выр
государствен
будто Маркс
класс *против*
те власти.
Более гру
Маркса нельзя
Как же не
опровержений
Он уклон
марксизма он
питированный
к «Гражданско
рабочий класс
дарственной ма
и только. О то
прямо обрат
что Маркс с 18
революции «разб
этом у Каутского

«бланкизме» (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, бланкизм). При этом Бернштейн останавливается на марксовой «Гражданской войне» — как мы видели, весьма неудачно — и не видит точку зрения Маркса на уроки бланкизма, а только точку зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейн вызывает то заключение Маркса, которое последний подчеркнул в предисловии к «Гражданской войне» и которое так и называется: «рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей»¹⁰⁴.

Бернштейну так «неправилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung, взрыв, — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?¹⁰⁵

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину¹⁰⁶, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры,— писал Каутский *«против»* Бернштейна.— мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским — пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это — его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т. е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти без разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического Манифеста»¹⁰⁷, возрождается Каутским в 1902 году.

В брошюре посвящен специальный параграф «Формам и оружием социальной революции». Здесь говорится и о политической стачке, и о гражданской войне. В таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему учат рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Каутский предостерегает, особенно немецких социалистов, против «суетверного почтения» к государству.

Каутский, победивший пролетариат «осуждает» программу и излагает параграф, что нового дал 1871 год по вопросу о демократии. Каутский отделяется такими «сентенциями» банальностями:

«Очевидно, мы не достигнем господства при теперешних условиях, если сама предполагает продолжительную и упорную борьбу, которая успеет уже изменить нашу политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой фразы о «глубоко захватывающей» борьбе обходится насущный для революционного пролетариата вопрос о том, в чем же выражается «глубина» его революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский на деле по этому существеннейшему пункту дела делает уступку оппортунизму, на словах объявляя грозную войну ему, подчеркивая значение «идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?) или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе, — пишет Каутский, — могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (?), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия,

которые не могут обойтись без бюрократического аппарата, — таковы железные дороги. Организация может получить такой аппарат из депутатов, которые образуют нечто вроде парламента, устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другое дело, что передать в ведение рабочих союзов, трестов, кооперативных начал» (стр. 148 и 149 русск. изд., Жевневское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уток Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют нечто вроде парламента».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих; *проти*в превраще-

ния конх в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все время становились «бюрократами» и чтобы никому и ни что не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их»¹⁰⁸.

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году¹⁰⁹). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бериштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 гг.» для Западной Европы, начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже

больше говорить о преждевременности. «Мы вступили в революционный период, новая эра начинается».

Эти заявления совершенно не соответствуют брошюре Каутского, которая должна служить мерилем для оценки того, чем *обещала* быть германская социал-демократия перед империалистской войной и как *низко* она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Переменная ситуация, — писал Каутский в рассматриваемой брошюре, — ведет за собой ту опасность, что нас (т. е. германскую социал-демократию) можно принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же так и иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ПАННЕКУКОМ

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «леворадикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла

Раде
такти
рехо
щего
ность
течен
ским)
всем

В
вые де
2) Па
как по
деятел
процес
образом
о задач
государ

«Бор
против бу
тив госуд
ции есть
их (буква
тариата...
результат
организац
восходство
меньшинст

Форму
кук, страд
все же яс
«До сим
ал-демократ
тели завоева
Паннекук хо

Если у
востью и
о других
разбрасываемой
ную Паннеку
ренному при
покинул позиц
тунизму. Разли

Государство и

Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, обремененось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого утверждения вполне доказала война, когда течение «центра» (или неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук интерпретировал позицию Каутского, как позицию «умеренного радикализма», «теорию бездейственного марксизма». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах и методах революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата, — писал он, — есть не просто борьба против буржуазии из-за государственной власти, а борьба против государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распушение, Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, как опровергал ее Каутский.

«До сих пор, — писал он, — противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает нечеткостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и по *коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анар-

хистами определено у него... и верно, марксизм искажен и опошлен...

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что (1) первые требуют только полное уничтожение государства, при этом оно может быть осуществимой лишь после уничтожения капиталистической революцией, как результат осуществления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий возможности такого уничтожения. (2) Первые считают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, чем ее пролетариат заменит и как он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках

государства
торжественно
рационально
Этот
ское
взгляда
«Ци
Центра
ствени
пят сво
он буде
ствени
армии.
вершен
рассужд
вая цита
«...Мо
ные фун
обходим
ной орган
Наша пре
новников.
перь не о
щем госу
скают, а
власть, пр
кое мнимо
но?» Пере
нансов, во
будет устр
тельства...
идет не о
победонос
решнее го
Это я
именно о
птитрован
вопрос об
няет револ
У него вы
вания власт
как раз то.
Речь иде
борьбе вою

государственной власти»¹¹⁰. II Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отождествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и в селу и в новой государственной машине. Если разрозненные общины объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покониться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, скрывая широко известные рассуждения Маркса и Каутского о коммунизме и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

«...Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом... Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, *aufflöst*) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает!* Это как раз то, что и требовалось оппортунистам.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция

состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «сущность» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов или *всех* властных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, — эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации...»

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы поработены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского, как и у других социал-демократов, остаются выборные должностные лица, остаются и чиновники при социализме, остаются и бюрократы! Именно это-то и неверно. Именно это-то и некоммуны! Именно Маркс показал, что при социализме все эти лица перестают быть «бюрократами», перестают быть чиновниками, перестают по мере введения социализма существовать, еще сменяемости в любое время. Именно Маркс показал, что при социализме все эти лица перестают быть «бюрократами», перестают быть чиновниками, перестают по мере введения социализма существовать, еще сменяемости в любое время.

В сущности, вся аргументация Каутского против Паппекука и его «неосуществимый» довод Каутского, что мы и в идеальном социализме в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским тех же «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что он называет «доктринерским демократизмом» — императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности этого «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вебб¹¹². За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», а в полном капиталистическом рабстве, при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилью, несправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут

управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управляет.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников», — рассуждает оппортунист, пасквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эсеры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем и как* заменять разрушаемое», — рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К^о, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет

массы к новой... большинство население в условия, позволяющие всем... выполнения... а это приводит к полному... всякого государства вообще.

«...Задача массовой стачки — провозгласит Каутский, — ни когда не... государственную власть... правительство к уступчивости... или заменить правительство. Враждебное... вопросом или заменить... идущим ему... Но никогда и ни при каких условиях... старата над враждебной правительственной... к разрушению государственной власти... (Verschiebung) от... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и подражание парламенту в господина над... (26, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату», — шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс»¹¹³.

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат был правительством.. Это — «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», — благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношения силы», а за ~~свержение~~ буржуазии, за разрушение буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник»¹¹⁴ в Германии (Легин, Давид, Кольб и многие другие, включая скандинавов Стаунинга и Браитинга), жоресисты¹¹⁵ и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии¹¹⁶, фабпианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии¹¹⁷ и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы вправе сделать вывод, что второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, — массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не

сигнал
усиле
гания.
чудови
чтобы
другом
миром

* В рук

он
Тема, ука
лика, что об не
шiore пред те
ными уроками
летариата в рево
(на этом рукопись

сыграть громадной роли тогда, когда государства, с
усиленным, всеобщим империалистского соревно-
вания, военным энтузиазмом, превратились в военные
чудовища, поставившие миллионы людей ради того,
чтобы решить спор Англии или Германии, тому или
другому финансовому магнату господствовать над
миром*.

* В рукописи далее следует:

«ГЛАВА VII

ОПЫТ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1905 И 1917 ГОДОВ

«Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно ве-
лика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей бро-
шюре придется ограничиться, разумеется, только самыми глав-
ными уроками опыта, касающимися непосредственно задач про-
летариата в революции по отношению к государственной власти».
(На этом рукопись обрывается.) *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.

Автор

Петроград.
30 ноября 1917 года.

Написано в августе — сентябре
1917 г.; § 3 главы II — ранее
17 декабря 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, 5 изд., том 33,
стр. 1—120

Напечатано в 1918 г.
в Петрограде отдельной книгой
издательством «Жизнь и знание»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» написана В. И. Лениным в подполье (в Разливе и Гельсингфорсе) в августе — сентябре 1917 года. Это произведение является результатом огромной научно-исследовательской работы, сделанной Лениным за сравнительно короткий срок, в основном за январь — февраль 1917 года.

Вопрос о характере пролетарской государственной власти, по словам Н. К. Крупской, особенно занимал Ленина в последние годы эмиграции. Мысль о необходимости теоретической разработки вопроса о государстве была высказана Лениным во второй половине 1916 года. «...На очереди дня теперь, — писал Ленин А. Г. Шляпникову, — не только продолжение линии, закрепленной у нас (против царизма и пр.) в резолюциях и брошюре..., но и очистка ее от назревших нелепостей и путаницы отрицания демократии (сюда относится разоружение, отрицание самоопределения, теоретически неверное отрицание «вообще» защиты отечества, шатания в вопросе о роли и значении государства вообще и пр.)» (Сочинения, 5 изд., том 49, стр. 299).

Антимарксистские полуанархические взгляды на государство и диктатуру пролетариата во второй половине 1916 года отстаивал в ряде статей Н. И. Бухарин. В декабре 1916 года в заметке «Интернационал Молодежи» Ленин подверг резкой критике позицию Бухарина и обещал написать подробную статью об отношении марксизма к государству (см. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 225—229).

Осенью 1916 года и в начале 1917 года, как отмечает Н. К. Крупская, Ленин с головой ушел в теоретическую работу. Живя в то время в Цюрихе, он усиленно работал в библиотеке, изучал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о государстве. 4 (17) февраля 1917 года Ленин сообщал А. М. Коллонтай, что он почти подготовил материал по вопросу об отно-

шении марксизма к государству. ...ны мелким
убористым почерком в тетрадь ... заглавлен-
ной «Марксизм о государстве». В ней были собраны цитаты из
произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также выдержки из
книг и статей К. Каутского, А. Париекука и Э. Бернштейна с
критическими замечаниями, выводами и обобщениями Ленина
(см. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 123—307).

3 (16) апреля 1917 года В. И. Ленин вернулся из Швейца-
рии в Россию. Занятый практической революционной деятельно-
стью, Владимир Ильич не мог продолжить задуманную работу.
Но мысль о ней не оставляла Ленина. В июне 1917 года Ленин
составил список книг, которые были ему необходимы для работы
над вопросом об отношении марксизма к государству, а также
сделал запрос о порядке работы в Публичной библиотеке в Пет-
рограде. После июльских дней 1917 года, скрываясь от пресле-
дования Временного правительства, Ленин получил возможность
начать работу над книгой «Государство и революция». Он по-
просил доставить в Разлив «синюю тетрадь», в конце июля —
начале августа в списке поручений товарищам перед отъездом
в Гельсингфорс Ленин просил выслать ему работу Ф. Энгельса
«Анти-Дюринг», а несколько позднее — помочь найти для спеш-
ной работы книгу К. Маркса «Нищета философии» и «Мани-
фест Коммунистической партии» на немецком и русском языках.

С приездом в Гельсингфорс Ленин вплотную приступил к
написанию книги «Государство и революция», о чем он сообщает
в августе М. И. Ульяновой: «Засел за работу о государстве,
которая меня давно интересует» (Сочинения, 5 изд., том 55,
стр. 370).

Работая над книгой «Государство и революция», В. И. Ленин
использовал далеко не весь материал, содержащийся в рукописи
«Марксизм о государстве». По сравнению с подготовительными
материалами Ленин включил дополнительно в § 4 главы I книги
«Государство и революция» цитату Энгельса из «Анти-Дюринга»
о роли насилия (см. настоящее издание, стр. 20—21) и в § 2 гла-
вы VI — цитату из брошюры Каутского «Социальная революция»
(см. настоящее издание, стр. 109—110) и др., которые отсутство-
вали в тетрадке «Марксизм о государстве».

Представляет интерес следующая запись на стр. 10 рукописи
книги «Государство и революция», сделанная, по-видимому, до
получения работы Энгельса: «Найти в «Анти-Дюринге» и пере-
вести с немецкого то место (кажется, в конце одной из глав «тео-
рии насилия»), где он говорит, что Дюринг только с оханьем и
аханьем допускает мысль о насильственной революции, тогда как
всякая насильственная революция играет величайшую роль, пере-
воспитывая массы, переобучая их, поднимая необыкновенно их
самосознание, самоуважение и т. д.». Получив экземпляр «Анти-
Дюринга», Ленин заменил эту запись необходимой ему цитатой.

По плану книга «Государство и революция» должна была
состоять из семи глав, но последняя, седьмая глава «Опыт рус-
ских революций 1905 и 1917 годов» Лениным не была написана.
Сохранились лишь подробно разработанные планы этой главы и

план «Заключения» (см. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 323—324). В записке к издателю книги Ленин писал, что если он «слишком опоздает с окончанием этой VII главы, то эта глава непомерно распухнет, тогда часть глав надо издать отдельно, как выпуск первый». (Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 308—328).

13 (26) сентября 1917 года через Н. К. Крупскую Ленин заключил договор с издателем книги «Жизнь и знание» В. Д. Бонч-Бруевичем, в число которых входила книга «Государство и революция».

На первой странице рукописи автор книги обозначен «Ф. Ф. Ивановский». По такому предположению Ленин предполагал выпустить свою работу, чтобы Временное правительство не конфисковало ее. Так как издание книги «Государство и революция» было осуществлено в 1918 году, необходимость в этом псевдониме отпала, и книга вышла под литературным псевдонимом Владимира Ильича «В. Ильич (Н. Ленин)» тиражом 30 700 экземпляров. Широкой популяризации произведения Ленина способствовали публикации в газете «Правда» 17 (30) декабря 1917 года предисловия к книге и §§ 1 и 2 главы I. Книга печаталась также местными издательствами.

Второе издание книги «Государство и революция» было осуществлено в 1919 году. Автор внес во вторую главу новый параграф «Постановка вопроса Марксом в 1852 году».

Книга Ленина «Государство и революция» получила широкое распространение в СССР и за рубежом. В СССР с 1918 по 1961 год она издавалась 190 раз, тиражом 6592 тысячи экземпляров на 46 языках народов СССР. За границей, по неполным данным, книга Ленина вышла на 35 языках. — 1.

² *Фабианцы* — члены Фабианского общества — английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели (С. и Б. Вебб, Р. Макдональд, Б. Шоу и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление крайнего оппортунизма» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 338). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.

В годы первой мировой войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в статье В. И. Ленина «Английский пацифизм и английская любовь к теории» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 266—272). — 3.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 23—178. — 6.

⁴ Теорию государства Гегель изложил в заключительной части книги «Grundlinien der Philosophie des Rechts» («Основы философии права»), изданной в 1821 году. Развернутый анализ книги Гегеля (§§ 261—313, где трактуется вопрос о государстве) Маркс дает в работе «К критике гегелевской философии права» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 219—368, 414—429). О выводах, которые сделал Маркс в результате критического анализа взглядов Гегеля, Энгельс писал в статье «Карл Маркс»: «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 16, стр. 378—379). — 6.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 169—170. — 7.

⁶ Социалисты-революционеры (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», партия социалистов-революционеров и др.). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками были главной опорой буржуазного Временного правительства, а лидеры партии (Керенский, Авксентьев, Чернов) входили в его состав. Партия эсеров отказалась от поддержки крестьянского требования ликвидации помещичьего землевладения, выступила за сохранение помещичьей собственности на землю; эсеровские министры Временного правительства посылали карательные отряды против крестьян, захватывавших помещичьи земли. Накануне Октябрьского вооруженного восстания партия открыто перешла на сторону контрреволюционной буржуазии, защищая капиталистический строй, и оказалась изолированной от масс революционного народа.

В конце ноября 1917 года левое крыло эсеров образовало самостоятельную партию левых эсеров. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры формально признали Советскую власть и вступили в соглашение с большевиками, но вскоре встали на путь борьбы против Советской власти. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную работу, ак-

тивно поддерживали интересы буржуазии в контрреволюционных актах против деятельности Советской власти и коммунистической партии. После свержения Советской власти продолжали враждебную деятельность против Советской России и белогвардейской эмиграции. —

⁷ Гентильная, родовая община — первобытно-общинный строй, или пережиток первобытно-общественно-экономической формации. Родовая община — особый коллектив кровных родственников, связанных общими интересами и общественными связями. В развитии родовой общины прошёл два периода: матриархат и патриархат. Патриархат завершился превращением первобытно-общинного строя в классовое и возникновением государства. Основой родовой общины являются отношения первобытнообщинного строя, основанные на коллективной собственности на средства производства и на коллективном распределении продуктов. Это в основном соответствует низшему уровню развития производительных сил в тот период.

О первобытнообщинном строе см. К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941) и работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 23—178). — 9.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 170—171. — 9.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 171. — 11.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 214—225. — 11.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 171. — 12.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 171—172. — 13.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 172—173. — 13.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 173. — 14.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 173. — 15.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 291—292. — 17.

¹⁷ Имеются в виду работы К. Маркса «Критика Готской программы» (IV раздел) и Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», а также

письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 13—28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 26—32; т. 20, стр. 291—292; т. 1, стр. 1—2).

¹⁸ К. Маркс. «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 6—7).

¹⁹ Тридцатилетняя война 1618—1648 годов — первая общеевропейская война, явившаяся результатом обострения противоречий между разными группировками европейских государств и принявшая форму борьбы между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Вступившие затем в войну европейские государства образовали два лагеря. Папа, испанские и австрийские Габсбурги и католические князья Германии, объединившись под знаменем католицизма, выступили против протестантских стран: Чехии, Дании, Швеции, Голландской республики и ряда принявших Реформацию немецких государств. Протестантские страны поддерживались французскими королями, противниками Габсбургов. Германия стала главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война закончилась в 1648 году заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — 21.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 189. — 21.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 184—185. — 22.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459. — 22.

²³ Готская программа — программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух существовавших до того отдельно немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс в работе «Критика Готской программы» и Ф. Энгельс в письме А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32, 1—8). — 22.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 184. — 23.

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 435, 446. — 24.

26 В работе «Марксизм о государстве» имеется такая запись Ленина: «Найти и сравнить, говорим ли мы Маркса и Энгельса до 1871 г. о «диктатуре пролетариата»? Конечно, нет!» (Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 159). При работе над книгой «Государство и революция» В. И. Ленин, к сожалению, не удалось выяснить этот вопрос. О письме К. Маркса к И. Вейдемейеру Ленин узнал, очевидно, поздно, когда книга была уже издана. На последней странице экземпляра этого издания книги «Государство и революция», принадлежащего В. И. Ленину, имеется следующая запись на немецком языке: «Neue Zeit» (XXV, т. 2, стр. 164), 1906—1907, № 31 (2. V. 1907); Ф. Меринг: «Новые материалы к биографии К. Маркса и Ф. Энгельса», из письма Маркса к Вейдемейеру от 5.III. 1852, а далее следует выписка из этого письма, где идет речь о диктатуре пролетариата.

Соответствующее дополнение Ленин внес во второе издание книги «Государство и революция», вышедшее в 1919 году (настоящее издание, стр. 33—35). — 24.

27 В конце XIX — начале XX века правящие круги буржуазии в ряде стран, пытаясь расколоть рабочее движение и незначительными уступками отвлечь пролетариат от революционной борьбы, прибегли к сложному маневру: привлекли к участию в реакционных буржуазных правительствах некоторых реформистских лидеров социалистических партий. В Англии в 1892 году в парламент был избран Джон Бернс, один из «прямых предателей рабочего класса, продавшихся буржуазии за министерское местечко» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 239). Во Франции в 1899 году в буржуазное правительство Р. Вальдека-Руссо вошел социалист Александр Этьенн Мильеран, помогавший буржуазии проводить ее политику. Вступление Мильерана в реакционное буржуазное правительство нанесло большой вред рабочему движению Франции. В. И. Ленин характеризовал мильеранизм как ренегатство, ревизионизм, «практическое бернштейнство». «Социалисты» типа Мильерана, подчеркивал Ленин, «посулом крохотных социальных реформ» отвлекали рабочий класс от революционной борьбы (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 25). В Италии в начале XX века наиболее откровенными сторонниками сотрудничества с правительством выступили социалисты Леонида Биссолати, Иваноэ Бономи и другие, которые в 1912 году были исключены из социалистической партии.

Во время первой мировой войны правооппортунистические лидеры социал-демократических партий ряда стран открыто перешли на позиции социал-шовинизма, вошли в буржуазные правительства своих стран, выступив проводниками их политики. «Ничего нет странного, — указывал Ленин, — что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К^о, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма» (настоящее издание, стр. 46). Ленин в ряде работ и осо-

бенно в статье «Целый десяток «социалистических» министров» (Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 193—195) раскрывает оппортунистическую деятельность лидеров правых социал-демократов.—25.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 205—206. — 28.

²⁹ В результате второй буржуазно-демократической революции в России 27 февраля (12 марта) 1917 года было свергнуто самодержавие и образовано буржуазное Временное правительство. Характеристику Временного правительства В. И. Ленин дал в «Наброске тезисов 4 (17) марта 1917 года», «Нисьмах из далека» (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 1—6, 9—59) и в других работах. — 30.

³⁰ *Кадеты* — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Великой Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности. — 31.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 258—259. — 32.

³² «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В «*Die Neue Zeit*» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна

«Проблемы социализма» — единственный поход ревизионистов против марксизма. В период первой мировой войны (1914—1918) журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — 33.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 63. — 34.

³⁴ Впервые понятие о различных формах диктатуры пролетариата В. И. Ленин ввел в 1919 году в статье «О картрикатуре на марксизм и социалистическом экономизме», направленной против оппортунистических взглядов Пятакова. Эта статья увидела свет в 1924 году, после Октябрьской социалистической революции. Анализируя ход исторического развития в условиях империализма, В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной социалистический преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» (Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 123).

В дальнейшем Ленин подчеркивал, что многообразие форм диктатуры пролетариата вытекает из различных форм перехода власти в руки рабочего класса и специфики социально-экономических и политических условий в разных странах. Так, в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной в 1919 году, Ленин дает характеристику Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, отразившей особенности исторического развития России, раскрывает общие и специфические черты Советского пролетарского государства (см. Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 271—282).

Международное освободительное движение после Октябрьской социалистической революции и особенно после второй мировой войны выдвинуло новую, отличную от Советской власти, форму диктатуры пролетариата — народную демократию, которая утвердилась в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии. Возникновение народной демократии стало возможным в результате изменившихся исторических условий, расширивших социальную базу революции, отразивших классовые сдвиги в современном капиталистическом мире и сближивших общедемократические и социалистические задачи революции. «Дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока, — писал Ленин в 1923 году в статье «О нашей революции», — будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» (Сочинения, 5 изд., том 45, стр. 381).

Гениальное предвидение В. И. Ленина полностью подтверждается историей. — 36.

³⁵ Имеется в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах», написанное Марксом между 6 и 9 сентября 1870 г. в Лондоне (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 274—282). — 36.

³⁶ Имеются в виду высказывания Г. В. Плеханова в статьях «Наше положение» и «Еще о нашем положении (Письмо к товарищу X)», опубликованных в ноябре и декабре 1905 года в «Дневнике Социал-Демократа» №№ 3 и 4. — 36.

³⁷ См. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 263). — 36.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 90. — 37.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339. — 37.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 263. — 38.

⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 40.

⁴² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339, 340, 341, 342, 343. — 42.

⁴³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 345. — 45.

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 342, 344. — 45.

⁴⁵ «Дело Народа» — ежедневная газета, орган партии эсеров; издавалась в Петрограде с марта 1917 до июля 1918 года, неоднократно меняя название. В редакцию газеты в 1917 году входили В. М. Зензинов, Р. В. Иванов-Разумник, В. В. Лункевич, Н. И. Ракитников, Н. С. Русанов, В. М. Чернов. Газета занимала позицию оборончества и соглашательства, поддерживала буржуазное Временное правительство. Издание газеты возобновилось в октябре 1918 года в Самаре (вышло четыре номера) и в марте 1919 года в Москве (вышло десять номеров). Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность. — 47.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 343—344. — 52.

⁴⁷ Жирондисты — политическая группировка буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Жирондисты выражали интересы умеренной буржуазии, колебались между революцией и контрреволюцией, шли по пути сделок с монархией. — 55.

⁴⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 344, 345. — 55.

⁴⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 345—346. — 56.

⁵⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 203—284. — 57.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 221. — 58.

⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 278. — 59.

⁵³ *Бланкисты* — сторонники течения во французском социалистическом движении, возглавлявшегося выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма — Луи Огюстом Бланки (1805—1881). Бланкисты ожидали «избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 76). Подменяя деятельность революционной партии выступлениями тайной кучки заговорщиков, они не учитывали конкретной обстановки, необходимой для победы восстания, и пренебрегали связью с массами. — 59.

⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 262. — 59.

⁵⁵ *Прудонисты* — сторонники антинаучного враждебного марксизму течения мелкобуржуазного социализма, названного по имени его идеолога французского анархиста Прудона. Критикуя крупную капиталистическую собственность с мелкобуржуазных позиций, Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность, предлагал организовать «народный» и «обменный» банки, при помощи которых рабочие якобы смогут обзавестись собственными средствами производства, стать ремесленниками и обеспечить «справедливый» сбыт своих продуктов. Прудон не понимал исторической роли пролетариата, отрицательно относился к классовой борьбе, пролетарской революции и диктатуре пролетариата; с анархистских позиций отрицал необходимость государства. Маркс и Энгельс вели последовательную борьбу с попытками прудонистов навязать свои взгляды I Интернационалу. Прудонизм был подвергнут уничтожающей критике в работе Маркса «Нищета философии». Решительная борьба Маркса, Энгельса и их сторонников с прудонизмом в I Интернационале окончилась полной победой марксизма над прудонизмом.

Ленин называл прудонизм «тупоумием мещанина и филлистера», не способного проникнуться точкой зрения рабочего класса. Идеи прудонизма широко использовались буржуазными «теоретиками» для проповеди классового сотрудничества. — 60.

⁵⁶ Имеются в виду статья К. Маркса «Политический индифферентизм» и статья Ф. Энгельса «Об авторитете», опубликован-

ные в декабре 1873 года в итальянском сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» («Республиканский Альманах на 1874 год») и затем в немецком переводе в 1913 году в журнале «Die Neue Zeit» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 296—301, 302—305). — 60.

⁵⁷ К. Маркс. «Политический индифферентизм» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 297). — 60.

⁵⁸ Ф. Энгельс. «Об авторитете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 304). — 61.

⁵⁹ Ф. Энгельс. «Об авторитете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 304—305). — 61.

⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 1—8. — 64.

⁶¹ См. К. Маркс. «Критика Готской программы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32). — 65.

⁶² Имеется в виду работа К. Маркса «Нищета философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 65—185). — 65.

⁶³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 5. — 65.

⁶⁴ *Эрфуртская программа* — программа Германской социал-демократической партии, принятая в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику первоначального проекта программы дал Ф. Энгельс в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 227—243); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин считал, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму является умалчивание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата. — 67.

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 234. — 68.

⁶⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 236. — 69.

⁶⁷ *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы

с рабочим и социалистическим движением. Все массовые рабочие движения социалистическая преследовалась социал-демократическая программа была принята за границей. Социал-демократическая программа (1883, 1883 и 1883) социал-демократическая программа стояла нелегальной вала легальное ее влияние на социал-демократов 1890 год более ч социал-демократам под напором масс исключительный

⁶⁸ См. К. Маркс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 236. — 70.

⁶⁹ См. К. Маркс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 237. — 70.

⁷⁰ См. К. Маркс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 237. — 71.

⁷¹ См. К. Маркс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 238—239. — 71.

⁷² См. К. Маркс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 239—240. — 72.

⁷³ «Правда» — та; первый номер 1912 года.

Ленин осуществил ежедневно писавался того, чтобы

В редакции часть организавстречи с представ

приходили сведеноткуда передавал

тербургского ком

«Правда» под

Издание «Прав

азно демократичес

1917 года «Правд

Петербургского на

с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать; конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям подпольного существования: за границей издавались и направлялись орган партии — газета «Социал-Демократ» и регулярно собирались партийные съезды (1880, 1883 и 1887); в Германии, где больше, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Однако партия широко не использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — 70.

⁶⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 236. — 70.

⁶⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 237. — 70.

⁷⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 237. — 71.

⁷¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 238—239. — 72.

⁷² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 239—240. — 74.

⁷³ «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета; первый номер газеты вышел в Петербурге 22 апреля (5 мая) 1912 года.

Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции, добивался того, чтобы газета велась в боевом, революционном духе.

В редакции «Правды» была сосредоточена значительная часть организационной работы партии. Здесь устраивались встречи с представителями местных партийных ячеек, сюда приходили сведения о партийной работе на фабриках и заводах, отсюда передавались партийные директивы Центрального и Петербургского комитетов партии.

«Правда» подвергалась постоянным полицейским преследованиям. 8(21) июля 1914 года газета была закрыта.

Издание «Правды» возобновилось после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. С 5(18) марта 1917 года «Правда» стала выходить как орган Центрального и Петербургского комитетов РСДРП.

С приездом в Петроград Ленин вошел в состав редакции, и «Правда» развернула борьбу за ленинские идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая контрреволюционным Временным правительством, неоднократно меняла свое название и выходила как «Листок «Правды»», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь». После победы Великой Октябрьской социалистической революции, с 27 октября (9 ноября) 1917 года, газета стала выходить под своим прежним названием — «Правда».

«Правда» занимает важнейшее место в истории большевистской печати. Воспитанное ею поколение передовых рабочих сыграло выдающуюся роль в Великой Октябрьской социалистической революции и строительстве социализма. «Правда» была первой легальной массовой рабочей газетой и знаменовала собой новый этап в развитии печати рабочего класса России и международного пролетариата. С 1914 года день выхода первого номера «Правды» стал днем праздника рабочей печати.

Оценку «Правды» Ленин дал в статьях «Итоги полугодовой работы», «Рабочие и «Правда»», «Рабочий класс и рабочая печать», «Доклад ЦК РСДРП и инструктивные указания делегации ЦК на Брюссельском совещании», «К итогам дня рабочей печати», «К десятилетнему юбилею «Правды»» (см. Сочинения, 5 изд., том 21, стр. 427—440; том 22, стр. 69—71; том 25, стр. 227—234, 371—381, 418—426; 4 изд., том 33, стр. 312—315) и др. — 74.

⁷⁴ См. Ф. Энгельс. «Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 189—201). — 75.

⁷⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 191. — 76.

⁷⁶ Имеется в виду выступление министра Временного правительства меньшевика Церетели 11 (24) июня 1917 года на объединенном заседании Президиума I Всероссийского съезда Советов, Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов и бюро всех фракций съезда. Данное заседание эсеро-меньшевистские лидеры устроили для того, чтобы, пользуясь своим большинством на нем, нанести удар по большевистской партии. В своей речи, выдержанной в истерических тонах, Церетели заявил, что демонстрация, намечавшаяся большевиками на 10 (23) июня, являлась «заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками». Все выступление Церетели было клеветническим и контрреволюционным. Большевики в знак протеста против клеветы Церетели и других лидеров эсеров и меньшевиков покинули заседание. В. И. Ленин на этом заседании не присутствовал и был против участия в нем. В письме в редакцию газеты «Правда» Ленин сообщал, что он «отстаивал принципиальный отказ большевиков участвовать в этом совещании, с представлением ими письменного за-

явления: ни в каких совещаниях по таким вопросам (запрещение манифестаций) не участвуем» (Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 334). — 76.

⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 195. — 77.

⁷⁸ *Los-von-Kirche-Bewegung* (движение к отделению от церкви), или *Kirchenaustrittsbewegung* (движение за выход из церкви), приняло массовый характер в Германии перед первой мировой войной. В январе 1914 года на страницах журнала «Die Neue Zeit» со статьи ревизиониста Пауля Гёре «Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie» («Движение за выход из церкви и социал-демократия») началось обсуждение вопроса об отношении социал-демократической партии Германии к этому движению. В ходе дискуссии видные деятели германской социал-демократии не дали отпора Гёре, который утверждал, что партия должна сохранять нейтралитет по отношению к движению за выход из церкви и запрещать своим членам вести от имени партии антирелигиозную и антицерковную пропаганду.

В. И. Ленин обратил внимание на эту дискуссию, работая над материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 570). — 77.

⁷⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 199. — 78.

⁸⁰ Приводимые В. И. Лениным цифры возможных окладов заработка выражены в бумажной валюте второй половины 1917 года.

Бумажный рубль в России за годы первой мировой войны был значительно обесценен. — 79.

⁸¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 200. — 79.

⁸² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 200—201. — 81.

⁸³ *Лассальянцы* — сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассалья, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге в противовес буржуазным прогрессистам, стремившимся подчинить рабочий класс своему влиянию. Первым президентом Союза был Лассаль, сформулировавший его программу и основы тактики. Борьба за всеобщее избирательное право была провозглашена политической программой Союза, создание производительных рабочих ассоциаций, субсидируемых государством, — его экономической программой. В своей практической деятельности Лассаль и его сторонники, приспособлявшиеся к гегемонии Пруссии, поддерживали великодержавническую политику Бисмарка; «объективно, — писал Ф. Энгельс К. Марксу 27 января 1865 года, — это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего

движения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232). К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы анархизма как оппортунистическое течение в рабочем движении. — 82.

⁸⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 434—435. — 82.

⁸⁵ Имеется в виду II съезд РСДРП, который состоялся 17 июля — 10 августа (30 июля — 22 августа) 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

Съезд был подготовлен «Искрой», которая под руководством Ленина провела огромную работу по сплочению российских социал-демократов на основе принципов революционного марксизма.

Важнейшими вопросами съезда были утверждение программы и устава партии и выборы руководящих партийных центров. Ленин и его сторонники развернули на съезде решительную борьбу с оппортунистами.

Ожесточенным нападкам со стороны оппортунистов подвергся обсуждавшийся на съезде проект программы партии, выработанный редакцией «Искры», в особенности положение о руководящей роли партии в рабочем движении, пункт о необходимости завоевания диктатуры пролетариата и аграрная часть программы. Съезд дал отпор оппортунистам и единогласно (при одном воздержавшемся) утвердил программу партии, в которой были сформулированы как ближайшие задачи пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции (программа-минимум), так и задачи, рассчитанные на победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата (программа-максимум). Впервые в истории международного рабочего движения после смерти Маркса и Энгельса была принята революционная программа, в которой, по настоянию Ленина, борьба за диктатуру пролетариата выдвигалась как основная задача партии рабочего класса.

При обсуждении устава партии развернулась острая борьба по вопросу об организационных принципах построения партии. Ленин и его сторонники боролись за создание боевой революционной партии рабочего класса. Поэтому в формулировке первого параграфа устава, предложенной Лениным, членство в партии обуславливалось не только признанием программы и материальной поддержкой партии, но и личным участием в одной из партийных организаций. Мартов внес на съезд свою формулировку первого параграфа, которая обуславливала членство в партии, кроме признания программы и материальной поддержки партии, лишь регулярным личным содействием партии, под руководством одной из ее организаций. Формулировка Мартова, облегчавшая доступ в партию всем неустойчивым элементам, была незначительным большинством голосов принята съездом. В ос-

новном же съезде был утвержден устав, выработанный Лениным. Съезд принял также ряд резолюций по тактическим вопросам.

На съезде произошел раскол между последовательными сторонниками искровского направления — ленинцами и «мягкими» искровцами — сторонниками Мартова. Сторонники ленинского направления получили большинство голосов при выборах в центральные учреждения партии и стали называться большевиками, а оппортунисты, получившие меньшинство, — меньшевиками.

Съезд имел огромное значение в развитии рабочего движения в России. Ленин писал: «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (Сочинения, 5 изд., том 41, стр. 6). Создав пролетарскую партию нового типа, которая стала образцом для революционных марксистов всех стран, II съезд РСДРП явился поворотным пунктом в международном рабочем движении. — 83.

⁸⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 201. — 84.

⁸⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32. — 84.

⁸⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 1—8. — 84.

⁸⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 27. — 86.

⁹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 27. — 87.

⁹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 88.

⁹² См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 344). — 89.

⁹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 5. — 90.

⁹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 18. — 93.

⁹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 19. — 94.

⁹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 19. — 95.

⁹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 20. — 96.

⁹⁸ Шейлок — персонаж из комедии В. Шекспира «Венецианский купец»; жестокий и черствый ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправного должника. — 97.

⁹⁹ В рукописи книги «Государство и революция», которая хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, этого примечания нет. На стр. 68 рукописи имеется следующая запись: «См. вставку — примечание на стр. 68 а». По-видимому, страница со вставкой, на которую ссылается Ленин, утеряна. — 102.

¹⁰⁰ Гаагский конгресс I Интернационала происходил 2—7 сентября 1872 года. На нем присутствовало 65 делегатов от 15 национальных организаций. Маркс и Энгельс при подготовке конгресса проделали огромную работу по сплочению пролетарских революционных сил. По предложению Маркса и Энгельса была принята повестка дня, намечен срок созыва конгресса. В порядке дня конгресса стояли два основных вопроса: 1) о правах Генерального Совета и 2) о политической деятельности пролетариата.

Конгресс принял резолюции о расширении полномочий Генерального Совета, о перенесении местопребывания Генерального Совета, о деятельности тайного «Альянса социалистической демократии» и другие. Большая часть этих резолюций была написана Марксом и Энгельсом. В основу остальных легли их предложения.

В решении конгресса по второму вопросу говорилось, что «завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата», а для того, «чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов», необходима организация пролетариата в политическую партию (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 143).

На конгрессе получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их сторонников против всех видов мелкобуржуазного сектантства. Лидеры анархистов М. А. Бакунин, Д. Гильом и другие были исключены из Интернационала.

Решения Гаагского конгресса, вся работа которого проходила под непосредственным руководством Маркса и Энгельса и при самом активном их участии, знаменовали собой победу марксизма над мелкобуржуазным мировоззрением анархистов и заложили фундамент для создания в будущем самостоятельных национальных политических партий рабочего класса. — 105.

¹⁰¹ См. Ф. Энгельс. «Предисловие к работе К. Маркса «Критика Готской программы»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 96). — 105.

¹⁰² «Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло 4 номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 10(23) марта), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333). В 1902 году во время возникших разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры»

и «Зари» Г. В. Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В «Заре» были напечатаны работы Ленина «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии», а также работы Плеханова «Критика наших критиков. Ч. 1. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», «Saint против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» и другие. — 106.

¹⁰³ Имеется в виду *Пятый международный конгресс II Интернационала*, который происходил в Париже 23—27 сентября 1900 года. По основному вопросу «Завоевание политической власти и союзы с буржуазными партиями», связанному с вхождением А. Мильерана в контрреволюционное правительство Вальдека-Руссо, большинством голосов конгресс принял резолюцию, внесенную К. Каутским. В резолюции говорилось, что «вступление отдельного социалиста в ряды буржуазного правительства не может быть рассматриваемо, как нормальное начало завоевания политической власти, но как вынужденное временное и исключительное средство в борьбе с трудными обстоятельствами». Впоследствии на этот пункт резолюции часто ссылались оппортунисты в оправдание своего сотрудничества с буржуазией.

В журнале «Заря» № 1 за апрель 1901 года была опубликована статья Г. В. Плеханова «Несколько слов о последнем парижском международном социалистическом конгрессе (Открытое письмо к товарищам, приславшим мне полномочие)», в которой была дана резкая критика резолюции Каутского. — 106.

¹⁰⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339 и т. 18, стр. 90. — 107.

¹⁰⁵ *Бернштейниада, бернштейнианство* — оппортунистическое, враждебное марксизму течение в международной социал-демократии, возникшее в конце XIX века в Германии и названное по имени Э. Бернштейна, наиболее открытого выразителя ревизионизма.

В 1896—1898 годах Бернштейн выступил в теоретическом органе германской социал-демократии, журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»), с серией статей «Проблемы социализма», в которых подверг ревизии философские, экономические и политические основы революционного марксизма. «Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетариата и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безу-

словно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы...» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 7). Ревизия марксизма бернштейнцами была направлена к тому, чтобы превратить социал-демократию из партии социальной революции в партию социальных реформ.

Левые элементы германской социал-демократии начали борьбу против Бернштейна на страницах своих газет. В защиту бернштейнства выступило правое, оппортунистическое крыло. Центральный комитет партии занимал примиренческую позицию по отношению к бернштейнству и не давал ему отпора. В журнале «Die Neue Zeit» полемика по поводу статей Бернштейна была открыта в июле 1898 года статьей Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», направленной против ревизионизма.

На съездах Германской социал-демократической партии — Штутгартском (октябрь 1898), Ганноверском (октябрь 1899) и Любекском (сентябрь 1901) — бернштейнство было осуждено, но, ввиду примиренческой позиции большинства лидеров, партия не отмежевывалась от Бернштейна. Бернштейнцы продолжали открыто пропагандировать ревизионистские идеи в журнале «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») и в партийных организациях.

Бернштейнство встретило поддержку оппортунистических элементов других партий II Интернационала. В России бернштейнские теории были поддержаны «легальными марксистами» и «экономистами».

Только революционные марксисты России, большевики во главе с Лениным, вели решительную и последовательную борьбу против бернштейнства и его сторонников. Ленин уже в 1899 году выступил против бернштейнцев в «Протесте российских социал-демократов» и в статье «Наша программа»; развернутой критике бернштейнства подвергнуто в книге Ленина «Что делать?» и в его статьях «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176, 182—186; том 6, стр. 1—192; том 17, стр. 15—26; том 20, стр. 62—69) и других. — 107.

¹⁰⁶ См. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 205—206). — 107.

¹⁰⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 90). — 108.

¹⁰⁸ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 342). — 111.

¹⁰⁹ На русском языке брошюра К. Каутского «Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution». Berlin, 1909 («Путь к власти. Политические раз-

мышления о
только в 1918 г.

¹¹⁰ См. К.
комитета к Со
нения. 2 изд.

¹¹¹ См. К.
(К. Маркс и Ф.

¹¹² Имеется
английского т

¹¹³ См. К.
стр. 446. — 119.

¹¹⁴ «Социа
hefte») — жур
один из органи
лине с 1897 по
1918) занимал

¹¹⁵ Жорес
и международ
Жорес боролся
тив империали
Жорес и его с
жений марксист
не путем клас
зультате «рас
классовый мир
прудонистские
витие ее в ус
постепенному
разовали Фран
реформистским
с гедистской
тию — Францу
ко критиковал
Борьба Жорес
вызвала неав
кануне первой
реакции.

Во время
в руководстве
выступили в
позиции социа

¹¹⁶ Италия
1892 году и наз
ся»; в 1893 год
ние — «Социали
1895 году стала
тия». С самого

мышления о вращении в революцию». Берлин, 1909) вышла только в 1918 году. — 111.

¹¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 266). — 115.

¹¹¹ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 342). — 117.

¹¹² Имеется в виду книга С. и Б. Веббов «Теория и практика английского тред-юнионизма». — 117.

¹¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 119.

¹¹⁴ «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистическую позицию. — 120.

¹¹⁵ Жоресисты — сторонники видного деятеля французского и международного социалистического движения Ж. Жореса. Жорес боролся за демократию, народные свободы, за мир, против империалистического гнета и захватнических войн. Однако Жорес и его сторонники выступили с ревизией основных положений марксизма. Жоресисты считали, что социализм победит не путем классовой борьбы пролетариата с буржуазией, а в результате «расцвета демократической идеи». Они проповедовали классовый мир между угнетателями и угнетенными, разделяли прудонистские иллюзии по поводу кооперации, считая, что развитие ее в условиях капитализма якобы будет способствовать постепенному переходу к социализму. В 1902 году жоресисты образовали Французскую социалистическую партию, стоявшую на реформистских позициях. В 1905 году эта партия объединилась с гедистской Социалистической партией Франции в одну партию — Французскую социалистическую партию. В. И. Ленин резко критиковал реформистские взгляды Жореса и жоресистов. Борьба Жореса за мир, против надвигающейся угрозы войны вызвала ненависть к нему империалистической буржуазии. Накануне первой мировой войны Жорес был убит ставленниками реакции.

Во время первой мировой войны жоресисты, преобладавшие в руководстве Французской социалистической партии, открыто выступили в поддержку империалистической войны и заняли позиции социал-шовинизма. — 120.

¹¹⁶ Итальянская социалистическая партия была основана в 1892 году и называлась вначале «Партия итальянских трудящихся»; в 1893 году на съезде в Реджо-Эмилии она приняла название — «Социалистическая партия итальянских трудящихся»; в 1895 году стала называться «Итальянская социалистическая партия». С самого момента основания партии внутри нее шла острая

идейная борьба двух направлений — с одной стороны реформистского и революционного, расходившихся по вопросам политики и тактики партии. В 1912 году на съезде в Реджо-Эмилии под давлением левых наиболее откровенные реформисты — сторонники войны и сотрудничества с правительством и буржуазией (Бономп, Биссолати и др.) были исключены из партии. С начала первой мировой войны и до вступления Италии в войну Итальянская социалистическая партия высказывалась против войны и выдвинула лозунг: «Против войны, за нейтралитет!». В декабре 1914 года из партии была исключена группа ренегатов (Муссолини и др.), защищавшая империалистическую политику буржуазии и выступавшая за войну. В связи с вступлением Италии в войну на стороне Антанты (май 1915) в Итальянской социалистической партии резко выявились три направления: 1) правое, помогавшее буржуазии вести войну; 2) центристское, объединявшее большинство членов партии и выступавшее под лозунгом «не участвовать в войне и не саботировать», и 3) левое, занимавшее более решительную позицию против войны, но не сумевшее организовать последовательную борьбу против нее; левые не понимали необходимости превращения империалистической войны в войну гражданскую, решительного разрыва с реформистами, сотрудничавшими с буржуазией. Итальянские социалисты провели совместную с швейцарскими социалистами конференцию в Лугано (1914), приняли активное участие в международных социалистических конференциях в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916).

В конце 1916 года Итальянская социалистическая партия вступила на путь социал-пацифизма. — 120.

¹¹⁷ *Независимая рабочая партия Англии* (Independent Labour Party) — реформистская организация, основанная руководителями «новых тред-юнионов» в 1893 году в условиях оживления стачечной борьбы и усиления движения за независимость рабочего класса Англии от буржуазных партий. В НРП вошли члены «новых тред-юнионов» и ряда старых профсоюзов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стоял Кейр Гарди и Р. Макдональд. НРП с момента своего возникновения заняла буржуазно-реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентской форме борьбы и парламентским сделкам с либеральной партией. Характеризуя Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия» (Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 90).

В начале первой мировой войны НРП выступила с манифестом против войны, однако вскоре встала на позиции социал-шовинизма. — 120.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авксентьев, Н. Д. (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК. Во время мировой империалистической войны — ярый социал-шовинист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов; министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, позднее председатель контрреволюционного «Временного совета Российской республики» (предпарламента). После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов контрреволюционных мятежей. В 1918 году — председатель так называемой «Уфимской директории»; затем эмигрировал за границу, где продолжал активно бороться против Советской власти. — 14, 47.

Бакунин, М. А. (1814—1876) — один из идеологов народничества и анархизма. С 1840 года жил за границей, принимал участие в революции 1848—1849 годов в Германии. Входил в I Интернационал, где выступал как ярый враг марксизма. Бакунин отрицал всякое государство, включая и диктатуру пролетариата, не понимал всемирно-исторической роли пролетариата, открыто выступал против создания самостоятельной политической партии рабочего класса, отстаивая доктрину о воздержании рабочих от участия в политической деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс вели решительную борьбу против реакционных взглядов Бакунина. За раскольническую деятельность Бакунин в 1872 году был исключен из Интернационала. — 53, 67, 104, 105.

Бebel (Bebel), Август (1840—1913) — один из виднейших деятелей германской социал-демократии и международного рабочего движения. Политическую деятельность начал в первой половине 60-х годов; был членом I Интернационала. В 1869 году вместе с В. Либкнехтом основал немецкую Социал-демократическую рабочую партию («эйзенахцы»); неоднократно избирался депутатом рейхстага. В 90-е годы и в начале 900-х годов выступал против реформизма и ревизионизма в рядах германской социал-демократии. В. И. Ленин считал его речи против бернштейнианцев «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно социалистический характер рабочей партии». (Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 369). — 64, 65, 67, 84—85, 90.

Бернштейн (Bernstein), Эдуард (1850—1932) — лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. В со-

циал-демократическом движении участвовал с середины 70-х годов. С 1881 по 1889 год — редактор центрального органа социал-демократической партии Германии «Der Sozialdemokrat» («Социал-Демократ»). В 1896—1898 годах опубликовал в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») серию статей «Проблемы социализма», изданных затем отдельной книгой под названием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», где открыто выступил с ревизией философских, экономических и политических основ революционного марксизма. Основной задачей рабочего движения Бернштейн объявил борьбу за реформы, направленные на улучшение экономического положения рабочих при капитализме, выдвинул оппортунистическую формулу: «движение — все, конечная цель — ничто». В период мировой империалистической войны стоял на центристских позициях, прикрывая социал-шовинизм фразами об интернационализме. В последующие годы продолжал поддерживать политику империалистической буржуазии, выступал против Октябрьской социалистической революции и Советского государства. — 44, 52, 53, 54, 106—108, 111, 117.

Бисмарк (Bismarck), Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Основной целью Бисмарка было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание единой Германской империи под гегемонией юнкерской Пруссии. В январе 1871 года Бисмарк занял пост рейхсканцлера Германской империи и в течение 20 лет руководил всей внешней и внутренней политикой Германии, направляя ее в интересах помещиков-юнкеров, стараясь в то же время обеспечить союз юнкерства с крупной буржуазией. Не добившись удушения рабочего движения с помощью проведенного им в 1878 году исключительного закона против социалистов, Бисмарк выступил с демагогической программой социального законодательства, введя законы об обязательном страховании некоторых категорий рабочих. Однако попытка Бисмарка разложить рабочее движение жалкими подачками не увенчалась успехом. В 1890 году получил отставку. — 13.

Биссолати (Bissolati), Леонид (1857—1920) — один из основателей Итальянской социалистической партии и лидеров ее крайне правого реформистского крыла. В 1896—1904 и в 1908—1910 годах был редактором центрального органа социалистической партии — газеты «Avanti!» («Вперед!»). С 1897 года — член парламента. В 1912 году был исключен из Итальянской социалистической партии и образовал «социал-реформистскую партию». Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, сторонник участия в войне Италии на стороне Антанты. В 1916—1918 годах входил в правительство в качестве министра без портфеля. — 46.

Бонапарт, Луи — см. Наполеон III.

Бракке (Bracke), Вильгельм (1842—1880) — немецкий социалист, издатель и книготорговец, один из основателей и руководителей эйзенахской партии (1869). Один из главных издателей и распространителей партийной литературы. — 65, 84.

Брантинг (Branting). Карл Якоб (1869—1925) — лидер социал-демократической партии Швеции, один из руководителей II Интернационала. Стоял на оппортунистических позициях. В 1887—1917 годах (с перерывами) — редактор центрального органа партии — газеты «Socialdemokraten» («Социал-Демократ»); в 1897—1925 годах — депутат риксдага. В годы мировой империалистической войны — социал-шовинист. В 1917 году вошел в коалиционное либерально-социалистическое правительство Эдена, поддерживал военную интервенцию против Советской России. В 1920, 1921—1923 и 1924—1925 годах возглавлял социал-демократические правительства. — 116.

Брешко-Брешковская, Е. К. (1844—1934) — одна из организаторов и руководителей партии эсеров, принадлежала к ее крайне левому крылу. Политическую деятельность начала в 70-х годах «хождением в народ», подвергалась арестам и ссылкам (в 1878 г. — по процессу 193-х). После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года активно поддерживала Временное правительство. Сторонница продолжения империалистической войны «до победного конца». После Октябрьской социалистической революции активно боролась против Советской власти. В 1919 году уехала в США, затем жила во Франции. За границей вела клеветническую кампанию против Советской России, выступала за подготовку новой интервенции, участвовала в парижском белоэмигрантском органе «Дни». — 3.

Вандервельде (Vandervelde), Эмиль (1866—1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала, занимал крайне оппортунистические позиции. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, входил в буржуазное правительство. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года приезжал в Россию для агитации за продолжение империалистической войны. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, активно содействовал вооруженной интервенции против Советской России; приложил немало усилий для восстановления II Интернационала. В 1925—1927 годах — министр иностранных дел Бельгии, участвовал в заключении Локкарнских соглашений (1925), направленных против СССР, активно боролся против создания единого антифашистского фронта коммунистов и социалистов. Автор ряда книг и брошюр, в которых, как указывал В. И. Ленин, «мещанский эклектицизм» выступает «против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции» (Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 302). — 3, 46, 48, 120.

Вебб (Webb), Беатриса (1858—1943) — известная английская общественная деятельница. — 117.

Вебб (Webb), Сидней (1859—1947) — известный английский общественный деятель, реформист. Совместно с женой — Беатрисой Вебб написал ряд работ по истории и теории английского рабочего движения. Главная из них «Industrial Democracy» (в России издана под заглавием «Теория и практика английского пред-

юнионизма»). В. И. Ленин перевел на русский язык первый том этой работы и отредактировал перевод второго тома. Идеолог мелкой буржуазии и рабочей аристократии Сидней Вебб в своих трудах проводил идею мирного решения рабочего вопроса в рамках капиталистического общества. Был одним из основателей реформистского Фабианского общества. В годы мировой империалистической войны стоял на позициях социал-шовинизма. Входил в первое (1924) и второе (1929—1931) лейбористские правительства. С симпатией относился к Советскому Союзу. — 117.

Вейдемейер (Weydemeyer), *Иосиф* (1818—1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. Под их влиянием перешел с позиций «истинного социализма» к научному коммунизму. Был членом «Союза коммунистов», участвовал в революции 1848—1849 годов в Германии; один из ответственных редакторов «Neue Deutsche Zeitung» («Новой Немецкой Газеты»). После поражения революции эмигрировал в США, где участвовал в Гражданской войне на стороне северян. Положил начало пропаганде марксизма в США. — 33.

Гайндман (Hyndman), *Генри Майерс* (1842—1921) — английский социалист, реформист. В 1881 году основал Демократическую федерацию, преобразованную в 1884 году в Социал-демократическую федерацию. В 1900—1910 годах — член Международного социалистического бюро. Был одним из лидеров Британской социалистической партии, из которой вышел в 1916 году, после того как конференция партии в Солфорде осудила его социал-шовинистскую позицию по отношению к империалистической войне. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, выступал за интервенцию против Советской России. — 3.

Ге, А. Ю. (ум. в 1919 г.) — русский анархист. После Октябрьской социалистической революции — сторонник Советской власти. Был членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов; входил в состав Северо-Кавказского советского правительства. — 99.

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, идеолог немецкой буржуазии. Исторической заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма. Однако диалектика Гегеля носила идеалистический характер, была тесно связана с его в целом консервативной, метафизической философской системой. По своим политическим воззрениям Гегель был сторонником конституционной монархии.

Основные произведения Гегеля: «Феноменология духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», «Лекции по истории философии» и др. — 6.

Гед (Guesde), *Жюль (Базиль, Матгё)* (1845—1922) — один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала. В 1901 году Гед и его сторонники создали Социалистическую партию Франции, которая в 1905 году,

слившись с реформистской Французской социалистической партией, получила название Объединенной французской социалистической партии. Гед много сделал для распространения идей марксизма и развития социалистического движения во Франции.

Но выступая против политики правых социалистов, Гед допускал ошибки сектантского характера как в теоретических, так и в тактических вопросах. С начала мировой империалистической войны занял социал-шовинистскую позицию и вошел в буржуазное правительство Франции. В 1920 году Гед не пошел за большинством Турского конгресса Французской социалистической партии, решившим присоединиться к Коминтерну. — 3.

Гендерсон (Henderson), Артур (1863—1935) — один из лидеров лейбористской партии и английского профессионального движения. В 1908—1910 и 1914—1917 годах — председатель парламентской фракции лейбористов. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, входил в коалиционное правительство Асквита, а затем в военный кабинет Ллойд Джорджа. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года приезжал в Россию для агитации за продолжение империалистической войны. В 1919 году — один из организаторов Бернского (II) Интернационала, с 1923 года — председатель Исполкома объединенного (II) Социалистического рабочего Интернационала. Неоднократно входил в буржуазные правительства Англии. — 46.

Грав (Grave), Жан (1854—1939) — французский мелкобуржуазный социалист, один из теоретиков анархизма. Редактор анархистских органов «Le Révolté» («Бунтарь») и «La Révolte» («Бунт»); автор ряда работ по анархизму. В начале XX века встал на позиции анархо-синдикализма. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, сотрудник газеты «La Bataille Syndicaliste» («Синдикалистская Борьба»). — 99.

Давид (David), Эдуард (1863—1930) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии, ревизионист, по профессии экономист. Был одним из основателей журнала немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). В 1903 году издал книгу «Социализм и сельское хозяйство», которую В. И. Ленин назвал «главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе». С 1903 года был депутатом рейхстага. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. В 1919 году вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 годах — министр внутренних дел, в 1922—1927 годах — представитель правительства в Гессене; поддерживал реваншистские устремления германского империализма, враждебно относился к СССР. В. И. Ленин охарактеризовал Давида как оппортуниста, «вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 277). — 3, 46, 120.

Дюринг (Dühring), Евгений (1833—1921) — немецкий философ и экономист, мелкобуржуазный идеолог. Философские взгляды Дюринга представляли собой эклектическую смесь

позитивизма, метафизического материализма и идеализма. Взгляды Дюринга, нашедшие поддержку среди части германской социал-демократии, были подвергнуты критике Энгельсом в книге «*Анти-Дюринг. Переворот в науке произведенный господином Евгением Дюрингом*». Ленин в книге «*Материализм и эмпириокритицизм*» и в ряде других произведений неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга. — 21.

Жорес (Jaurès), Жан (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, историк. Член парламента в 1885—1888, 1892—1898, 1902—1914 годах; один из лидеров парламентской социалистической фракции. В 1904 году основал и редактировал до конца жизни газету «*L'Humanité*» («*Человечество*»). Жорес выступал в защиту демократии, народных свобод, за мир, против империалистического гнета и захватнических войн. Он был убежден, что только социализм окончательно покончит с войнами и колониальным гнетом. Однако Жорес считал, что социализм победит не путем классовой борьбы пролетариата с буржуазией, а в результате «расцвета демократической идеи». Ленин резко критиковал реформистские взгляды Жореса, которые толкали его на путь оппортунизма.

Борьба Жореса за мир, против надвигающейся угрозы войны вызвала ненависть к нему империалистической буржуазии. Накануне мировой империалистической войны Жорес был убит ставленником реакции. — 106.

Зензинов, В. М. (род. в 1881 г.) — один из руководителей партии эсеров, был членом ее ЦК. В годы мировой империалистической войны — оборонец. В 1917 году — член Исполкома Петроградского Совета, сторонник блока с буржуазией; один из редакторов органа эсеров — газеты «*Дело Народа*». После Октябрьской социалистической революции — противник Советской власти, белоэмигрант. — 48.

Каутский (Kautsky), Карл (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог наиболее опасной и вредной разновидности оппортунизма — центризма (каутскианства). Редактор теоретического журнала германской социал-демократии «*Die Neue Zeit*» («*Новое Время*»).

В социалистическом движении начал участвовать с 1874 года. Его воззрения в то время представляли собою смесь лассальянства, неомальтузианства и анархизма. В 1881 году познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом и под их влиянием перешел к марксизму, однако уже в этот период проявлял колебания в сторону оппортунизма, за что его резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 80—90-е годы написал ряд работ по вопросам марксистской теории: «*Экономическое учение Карла Маркса*», «*Аграрный вопрос*» и др., которые, несмотря на допущенные в них ошибки, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма. Позднее, в 1910—1911 годах, переходит на позиции оппортунизма. Во время мировой империалистической войны Каутский стоял на позициях центризма, прикрывая социал-шовинизм фразами об интернацио-

нализме. Автор реакционной теории ультраимпериализма. После Октябрьской социалистической революции открыто выступал против пролетарской революции и диктатуры рабочего класса, против Советской власти.

В. И. Ленин в своих сочинениях «Крах II Интернационала», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Империализм — это паразитическая революция и ренегат Каутский» и ряде других сочинений подверг каутскианство уничтожающей критике. — 4, 8, 13, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 77, 104, 105—117, 119—120.

Керенский, А. Ф. (1881—1970) — эсер. Депутат IV Государственной думы. В Думе некоторое время примыкал к группе трудовиков и был ее председателем. В годы мировой империалистической войны — ярый оборонец. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года был министром юстиции, военным и морским министром, а затем премьер-министром Временного правительства и верховным главнокомандующим. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, в 1918 году бежал за границу. Проживая в эмиграции, вел антисоветскую пропаганду. — 13, 74.

Кольб (Kolb), Вильгельм (1870—1918) — немецкий социал-демократ, крайний оппортунист и ревизионист, редактор «Volksfreund» («Друг Народа»). В годы мировой империалистической войны — социал-шовинист. — 120.

Корнелиссен (Cornelissen), Христиан — голландский анархист, последователь П. А. Кропоткина; выступал против марксизма. Во время мировой империалистической войны — шовинист; сотрудничал во французской газете «La Bataille Syndicaliste» («Синдикалистская Борьба»). — 99.

Кропоткин, П. А. (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма. В 1872 году за границей примкнул к группе Бакунина. По возвращении в Россию участвовал как анархист в народническом движении, за что в 1874 году был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 году совершил побег за границу, где выступал против учения К. Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Во время мировой империалистической войны — шовинист. Вернувшись из эмиграции в 1917 году, оставался на буржуазных позициях, однако в 1920 году обратился с письмом к европейским рабочим, где признал историческое значение Октябрьской социалистической революции и призвал рабочих воспрепятствовать военной интервенции против Советской России. Автор ряда научных трудов по географии и геологии. — 99, 118.

Кугельман (Kugelmann), Людвиг (1830—1902) — немецкий социал-демократ, друг К. Маркса, участник революции 1848—1849 годов в Германии, член I Интернационала. Содействовал изданию и распространению «Капитала» Маркса. С 1862 по 1874 год вел переписку с Марксом, информировал его о положении дел в Германии. Письма Маркса к Кугельману были впервые напечатаны в 1902 году в журнале «Die Neue Zeit» («Новое

Время»); в 1907 году они были изданы в русском переводе с предисловием В. И. Ленина. — 37—38.

Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в немецком рабочем движении — лассальянства. Лассаль являлся одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863). Создание Союза имело положительное значение для рабочего движения, однако Лассаль, избранный президентом Союза, повел его по оппортунистическому пути. Лассальянцы рассчитывали путем легальной агитации за всеобщее избирательное право, образования производственных ассоциаций, субсидируемых юнкерским государством, добиться создания «свободного народного государства». Лассаль поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией реакционной Пруссии. Оппортунистическая политика лассальянцев была помехой в деятельности I Интернационала и в создании подлинной рабочей партии в Германии, препятствовала выработке у рабочих классового сознания.

Теоретические и политические взгляды лассальянцев были подвергнуты резкой критике классиками марксизма-ленинизма (см. К. Маркс. «Критика Готской программы»; В. И. Ленин. «Государство и революция» и другие произведения). — 85, 92—94.

Легин (Legien), Карл (1861—1920) — немецкий правый социал-демократ, один из лидеров немецких профсоюзов, ревизионист. С 1890 года — председатель Генеральной комиссии профсоюзов Германии. С 1903 года — секретарь, а с 1913 года — председатель Международного секретариата профсоюзов. С 1893 по 1920 год (с перерывами) — депутат рейхстага от германской социал-демократии. Во время мировой империалистической войны — крайний социал-шовинист. В 1919—1920 годах — член Национального собрания Веймарской республики. Поддерживал политику буржуазии, боролся против революционного движения пролетариата. — 3, 46, 48, 119—120.

Ленин, В. И. (Ленин, Н.) (1870—1924) — биографические данные. — 38, 74—75, 83, 122.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826—1900) — видный деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей и вождей Германской социал-демократической партии. С 1875 года и до конца жизни Либкнехт являлся членом ЦК Германской социал-демократической партии и ответственным редактором ее центрального органа «Vorwärts» («Вперед»). С 1867 по 1870 год — депутат Северогерманского рейхстага, а с 1874 года неоднократно избирался депутатом германского рейхстага; умело использовал парламентскую трибуну для разоблачения реакционной внешней и внутренней политики прусского юнкерства. За революционную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению. Принимал активное участие в деятельности I Интернационала и организации II Интернационала. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили В. Либкнехта.

В то же время они критиковали отдельные ошибки Либкнехта примиренческого характера, помогая ему занять правильную позицию.— 67, 69.

Луи-Наполеон — см. Наполеон III.

Люксембург (Luxemburg), *Роза* (1871—1919) — выдающийся деятель международного рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Была в числе основателей и руководителей социал-демократической партии Польши, выступала против национализма в рядах польского рабочего движения. С 1897 года принимала активное участие в германском социал-демократическом движении, вела борьбу против бернштейнианства и миллерианства. Р. Люксембург была участницей первой русской революции (в Варшаве). В годы реакции и нового революционного подъема примиренчески относилась к ликвидаторам.

С начала мировой империалистической войны заняла интернационалистскую позицию. Являлась одним из инициаторов создания в Германии группы «Интернационал», которая впоследствии стала называться группой «Спартак», а затем «Союзом Спартака». После Ноябрьской революции 1918 года в Германии принимала руководящее участие в Учредительном съезде Коммунистической партии Германии. В январе 1919 года была арестована и зверски убита. Ленин, высоко ценивший Р. Люксембург, выступал неоднократно с критикой ее ошибок, помогая ей тем самым занять правильную позицию.— 112.

Маркс (Marx), *Карл* (1818—1883) — основоположник научного коммунизма, гениальный мыслитель, вождь и учитель международного пролетариата (см. статью В. И. Ленина «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)». Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 43—93). — 4, 5—6, 7, 8, 15, 18, 20, 21, 22, 23—24, 25, 26—28, 29, 31, 33—34, 35, 36—39, 40—42, 43, 45—46, 48—49, 51—52, 53, 54—57, 60—61, 64, 65, 66, 71, 73, 75, 82, 84—87, 89, 92—94, 95—96, 99, 100, 105, 107, 108, 110—111, 112, 114, 115, 116, 117, 118.

Меринг (Mehring), *Франц* (1846—1919) — выдающийся деятель рабочего движения Германии, один из лидеров и теоретиков левого крыла германской социал-демократии. Был одним из редакторов теоретического органа партии — журнала «Die Neue Zeit» («Новое Время»); позже редактировал «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»). Меринг активно выступал против оппортунизма и ревизионизма в рядах II Интернационала, осуждал каутскианство, но разделял при этом ошибки германских левых, боявшихся организационно порвать с оппортунистами. Последовательно защищал интернационализм. Приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию. Был одним из руководителей революционного «Союза Спартака», сыграл видную роль в создании Коммунистической партии Германии.— 33.

Миллеран (Millerand), *Александр Этьенн* (1859—1943) — французский политический деятель. В 90-х годах примкнул к социалистам, возглавил оппортунистическое направление во фран-

пузском социалистическом движении. В 1899 году вошел в реакционное буржуазное правительство Вальтера Руссо, где сотрудничал с палачом Парижской Коммуны генералом Галифе. В. И. Ленин разоблачил миллеранизм как предательство интересов пролетариата, как практическое выражение ревизионизма и вскрыл его социальные корни.

После исключения в 1904 году из социалистической партии Миллеран вместе с другими бывшими социалистами (Бриан, Вивьяни) образовал группу «независимых социалистов». В 1909—1910, 1912—1913, 1914—1915 годах занимал различные министерские посты. После Октябрьской социалистической революции Миллеран был одним из организаторов Антантской интервенции; в 1920—1924 годах — президент Французской республики. В июне 1924 года, после победы на выборах левых буржуазных партий, отказавшихся с ним сотрудничать, вынужден был уйти в отставку. В 1925—1927 годах избирался сенатором.—106.

Михайловский, Н. К. (1842—1904) — виднейший теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист, один из представителей субъективной школы в социологии. В 1892 году возглавил журнал «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную борьбу с марксистами. Критика взглядов Михайловского дана в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и в других произведениях.—10.

Монтескье (Montesquieu), Шарль Луи (1689—1755) — выдающийся французский буржуазный социолог, экономист и писатель. Представитель буржуазного Просвещения XVIII в., теоретик конституционной монархии. Основные произведения: «Персидские письма», «Рассуждения о причинах величия и падения римлян», «О духе законов».—55.

Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821) — французский император 1804—1814 и 1815 годов.—28, 78.

Наполеон III (Бонапарт, Луи; Луи-Наполеон) (1808—1873) — император Франции с 1852 по 1870 год, племянник Наполеона I. После поражения революции 1848 года был избран президентом Французской республики; в ночь на 2 декабря 1851 года произвел государственный переворот. Характеристика Наполеона III дана в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 115—217).—27.

Пальчинский, П. И. (1875—1929) — инженер, организатор синдиката «Продуголь», был тесно связан с банковскими кругами. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — товарищ министра торговли и промышленности в буржуазном Временном правительстве. Вдохновитель саботажа промышленников, боролся против демократических организаций. Начальник обороны Зимнего дворца 25 октября (7 ноября) 1917 года. После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов вредительства в советской промышленности.—14.

Паннекук (Pannekoek), Антон (1873—1960) — голландский социал-демократ. В 1907 году был одним из основателей газеты «De Tribune» («Трибуна») — органа левого крыла голландской Социал-демократической рабочей партии, оформившегося в 1909 году в Социал-демократическую партию Голландии (партию «трибунистов»). С 1910 года был тесно связан с германскими левыми социал-демократами, активно сотрудничал в их органах. В годы мировой империалистической войны — интернационалист, участвовал в издании журнала «Vorboten» («Предвестник») — теоретический орган Циммервальдской левой. В 1918—1921 годах входил в Коммунистическую партию Голландии и принимал участие в работе Коминтерна. Занимал ультралевую, сектантскую позицию. В 1921 году Паннекук вышел из компартии и вскоре отошел от активной политической деятельности. — 112—113, 114, 115, 117.

Плеханов, Г. В. (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. В 1883 году создал в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Плеханов боролся с народничеством, выступал против ревизионизма в международном рабочем движении. В начале 900-х годов входил в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря».

С 1883 по 1903 год Плеханов написал ряд работ, сыгравших большую роль в защите и пропаганде материалистического мировоззрения. Однако уже в то время у него были серьезные ошибки, которые явились зародышем его будущих меньшевистских взглядов. После II съезда РСДРП Плеханов встал на позиции примиренчества с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. В период первой русской революции по всем основным вопросам стоял на меньшевистских позициях. В годы реакции и нового революционного подъема выступал против махистской ревизии марксизма и ликвидаторства, возглавлял группу меньшевиков-партийцев. Во время мировой империалистической войны перешел на позиции социал-шовинизма. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в Россию, возглавил крайне правую группу меньшевиков-оборонцев — «Единство», выступал против большевиков, против социалистической революции, считая, что Россия не созрела для перехода к социализму. К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно, но в борьбе против Советской власти не участвовал.

Ленин высоко оценивал философские работы Плеханова и его роль в распространении марксизма в России; в то же время он резко критиковал Плеханова за отступление от марксизма и крупные ошибки в политической деятельности. — 3, 36, 46, 53, 104—105, 119.

Помяловский, Н. Г. (1835—1863) — русский писатель-демократ. В своих произведениях выступал против устоев самодержавно-бюрократической России, насилия и произвола. Творчество Помяловского высоко оценивали Н. Г. Чернышевский и А. М. Горький. — 98.

Потресов, А. Н. (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — идеолог ликвидаторства. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал, за границей сотрудничал в еженедельнике Керенского «Дни», выступал с нападениями на Советскую Россию. — 3, 119.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма, по профессии наборщик. В 1840 году опубликовал книгу «Что такое собственность?». Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность и критиковал с мелкобуржуазных позиций крупную капиталистическую собственность. Он предлагал организовать специальный «народный банк», который бы посредством «дарового кредита» помог рабочим обзавестись собственными средствами производства и стать ремесленниками. Такой же реакционный характер носила утопия Прудона о создании особых «обменных банков», при помощи которых трудящиеся якобы могли обеспечить «справедливый» сбыт продуктов своего труда, не затрагивая в то же время капиталистической собственности на орудия и средства производства. Главным источником классовых противоречий Прудон считал государство, он выдвигал утопические проекты мирной «ликвидации государства», проповедовал отрицательное отношение к политической борьбе. В 1846 году выпустил книгу «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», где изложил свои мелкобуржуазные философско-экономические взгляды. Маркс в работе «Нищета философии» дал уничтожающую критику книги Прудона, показав ее научную несостоятельность. Избранный в период революции 1848 года в Учредительное собрание, Прудон осуждал революционные выступления рабочего класса; одобрил бонапартистский переворот 2 декабря 1851 года, за которым последовало установление во Франции режима Второй империи. — 52—53, 65, 104, 107.

Радек, К. Б. (1885—1939) — с начала 900-х годов принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши и Германии; участвовал в изданиях германских левых социал-демократов. В годы мировой империалистической войны стоял на интернационалистских позициях, проявляя, однако, колебания в сторону центризма; занимал ошибочную позицию по вопросу о праве наций на самоопределение. В большевистской партии состоял с 1917 года. В период заключения Брестского мира — «левый коммунист». С 1923 года — активный деятель троцкистской оппозиции, за что в 1927 году XV съездом ВКП(б) был исключен из партии; восстановлен в 1930 году, в 1936 году за антипартийную деятельность был вновь исключен из партии. — 112—113.

Ренодель (Renaudel), Пьер (1871—1935) — один из реформистских лидеров Французской социалистической партии. Редактор газет: «Le Peuple» («Народ») (1902—1914), «L'Humanité» («Человечество») (1914—1920); член палаты депутатов (1914—

1919, 1924). Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. В 1927 году отошел от руководства социалистической партии, в 1933 году был исключен из партии; позже организовал небольшую неосоциалистическую группу. — 3, 46.

Рубанович, И. А. (1860—1920) — один из лидеров эсеров. Член Международного социалистического бюро. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции — противник Советской власти. — 3.

Русанов, Н. С. (род. в 1859 г.) — публицист, народоволец, впоследствии эсер. Находясь в эмиграции, встречался с Ф. Энгельсом. В 1905 году возвратился в Россию, редактировал ряд эсеровских газет. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — 48

Самба (Sembat), Марсель (1862—1922) — один из реформистских лидеров Французской социалистической партии, журналист. С 1893 года член палаты депутатов. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. С августа 1914 по сентябрь 1917 года был министром общественных работ в империалистическом «правительстве национальной обороны» Франции. В феврале 1915 года участвовал в Лондонской конференции социалистов стран Антанты, созванной с целью объединения их на основе программы социал-шовинизма. — 46, 48.

Скобелев, М. И. (1885—1939) — с 1903 года принимал участие в социал-демократическом движении в рядах меньшевиков. В годы мировой империалистической войны — центрист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — заместитель председателя Петроградского Совета, заместитель председателя ЦИК первого созыва; с мая по август 1917 года — министр труда в буржуазном Временном правительстве. После Октябрьской социалистической революции отошел от меньшевиков, работал в системе кооперации, затем в Наркомате внешней торговли. С 1922 года состоял членом РКП(б), был на ответственной хозяйственной работе, в 1936—1937 годах работал во Всесоюзном радиокомитете. — 14, 47.

Спенсер (Spencer), Герберт (1820—1903) — английский философ, психолог и социолог, видный представитель позитивизма, один из основателей так называемой органической теории общества. Стремясь оправдать социальное неравенство, уподоблял человеческое общество животному организму и переносил биологическое учение о борьбе за существование на историю человечества. Реакционные философские и социологические взгляды Спенсера сделали его одним из самых популярных идеологов английской буржуазии. Основная работа — «System of Synthetic Philosophy», 1862—1896 («Система синтетической философии»). — 10.

Стаунинг (Stauning), Торвальд Август Маринус (1873—1942) — государственный деятель Дании, один из правых лиде-

ров датской социал демократии и II Интернационации. С 1906 года — член датского парламента. С 1911 года — представитель Датской социал-демократической партии и ее датской фракции. Во время мировой империалистической войны стоял на социал-шовинистских позициях. В 1913—1914 годах — министр без портфеля в буржуазном правительстве Дании. В дальнейшем возглавлял социал-демократическое правительство и коалиционные правительства буржуазных радикалов и правых социал-демократов. — 46, 120.

Струве, П. Б. (1870—1944) — буржуазный публицист, один из лидеров партии кадетов. В 90-х годах — виднейший представитель «легального марксизма», выступавший «объяснениями» и «критикой» экономического и философского учения К. Маркса, стремился приспособить марксизм и рабочее движение к интересам буржуазии. Струве был одним из организаторов либерально-монархического «Союза освобождения» (1903—1905) и редактором его печатного органа — журнала «Освобождение». С образованием в 1905 году партии кадетов — член ее ЦК. Один из идеологов российского империализма. После Октябрьской социалистической революции — ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант. — 39.

Тревес (Treves), Клаудио (1868—1933) — один из реформистских лидеров Итальянской социалистической партии. В годы мировой империалистической войны — центрист. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. После раскола Итальянской социалистической партии (1922) стал одним из лидеров реформистской Унитарной социалистической партии. — 120.

Туган-Барановский, М. П. (1865—1919) — русский буржуазный экономист. В 90-х годах — видный представитель «легального марксизма». В период революции 1905—1907 годов — член партии кадетов. После Октябрьской социалистической революции — активный деятель контрреволюции на Украине, министр финансов буржуазной Украинской центральной рады. Основные работы Туган-Барановского 90-х годов: «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь», «Русская фабрика в прошлом и настоящем» и др. — 94.

Турати (Turati), Филиппо (1857—1932) — деятель итальянского рабочего движения, один из организаторов Итальянской социалистической партии (1892), лидер ее правого, реформистского крыла. В 1896 году был избран в парламент, где возглавлял группу социалистов-реформистов. В период мировой империалистической войны стоял на центристских позициях. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. После раскола Итальянской социалистической партии (1922) возглавлял реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 году эмигрировал из фашистской Италии во Францию. — 120.

Церетели, П. Г. (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликви-

Шейб
лидеров к
социал-де
скую фрак
демократи
листическо
ской револ
зываемого
погромной
1919 года в
республики
немецкого р
отошел от а

Штирнер
соф, один из
ма. Свои взгля
sein Eigentum
кратно подве
гельса. — 104.

Энгельс (с
положников в
родного проле
В. И. Ленина
стр. 1—14). —
57—60; 61—66,
107, 109, 110, 1

Х. — см. Л

датор. Во время мировой империалистической войны — центрист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета, оборонец. В мае 1917 года вошел в буржуазное Временное правительство в качестве министра почт и телеграфов, после июльских событий — министр внутренних дел, один из вдохновителей погромной травли большевиков. После Октябрьской социалистической революции Церетели был одним из руководителей контрреволюционного меньшевистского правительства Грузии. После победы Советской власти в Грузии — белоэмигрант. — 3, 14, 47, 76, 81, 98—99, 119.

Чернов, В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В 1902—1905 годах — редактор центрального органа эсеров — газеты «Революционная Россия». В годы мировой империалистической войны, прикрываясь левой фразой, фактически стоял на позициях социал-шовинизма. В 1917 году — министр земледелия буржуазного Временного правительства, проводил политику жестоких репрессий против крестьян, захватывавших помещичьи земли. После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов антисоветских мятежей. В 1920 году эмигрировал; за границей продолжал антисоветскую деятельность. — 3, 14, 48, 81, 98—99, 119.

Шейдеман (Scheidemann), Филипп (1865—1939) — один из лидеров крайне правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии. С 1903 года входил в социал-демократическую фракцию рейхстага. С 1911 года — член правления социал-демократической партии Германии. В годы мировой империалистической войны — ярый социал-шовинист. Во время Ноябрьской революции 1918 года в Германии входил в состав так называемого Совета народных уполномоченных, был вдохновителем погромной агитации против спартаковцев. В феврале — июне 1919 года возглавлял коалиционное правительство Веймарской республики, был одним из организаторов кровавого подавления немецкого рабочего движения в 1918—1921 годах. В дальнейшем отошел от активной политической деятельности. — 3, 46, 48, 119.

Штирнер (Stirner), Макс (1806—1856) — германский философ, один из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма. Свои взгляды изложил в 1844 году в книге «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его собственность»). Неоднократно подвергался критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса. — 104.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, друг и соратник К. Маркса (см. статью В. И. Ленина «Фридрих Энгельс». Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 1—14). — 4, 6—7, 9—13, 14—18, 19—21, 22, 23—24, 30, 32, 37, 57—60, 61—66, 67—74, 75—80, 81, 82, 83, 84, 85, 90, 96, 99, 101, 105, 107, 109, 110, 111, 115.

Х. — см. Либкнехт, Вильгельм.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	4
Глава I. Классовое общество и государство	5
1. Государство — продукт непримиримости классовых противоречий	5
2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.	9
3. Государство — орудие эксплуатации угнетенного класса	12
4. «Отмирание» государства и насильственная революция	16
Глава II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 годов	23
1. Канун революции	23
2. Итоги революции	27
3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году	33
Глава III. Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса	36
1. В чем героизм попытки коммунаров?	36
2. Чем заменить разбитую государственную машину?	40
3. Уничтожение парламентаризма	45
4. Организация единства нации	51
5. Уничтожение паразита — государства	54
Глава IV. Продолжение. Дополнительные пояснения Энгельса	57
1. «Жилищный вопрос»	57
2. Полемика с анархистами	60
3. Письмо к Бебелю	64
4. Критика проекта Эрфуртской программы	67
5. Предисловие 1891 года к «Гражданской войне» Маркса	75
6. Энгельс о преодолении демократии	81
Глава V. Экономические основы отмирания государства	84
1. Постановка вопроса Марксом	84
2. Переход от капитализма к коммунизму	87
3. Первая фаза коммунистического общества	92
4. Высшая фаза коммунистического общества	96
Глава VI. Опошление марксизма оппортунистами	104
1. Полемика Плеханова с анархистами	104
2. Полемика Каутского с оппортунистами	105
3. Полемика Каутского с Паннекуком	112
Послесловие к первому изданию	122
Примечания	123
Указатель имен	145

. . .	3
. . .	4
о . .	5
овых . .	5
р. . .	9
масса . .	12
ция . .	16
8— . .	23
. . .	23
. . .	27
. . .	33
Па- . .	
лиз . .	36
. . .	36
у? . .	40
. . .	45
. . .	51
. . .	54
по- . .	57
. . .	57
. . .	60
. . .	64
. . .	67
рка . .	75
. . .	81
го- . .	84
. . .	84
. . .	87
. . .	92
. . .	96
уни- . .	104
. . .	104
. . .	105
. . .	112
. . .	122
. . .	123
. . .	145

18 коп.

